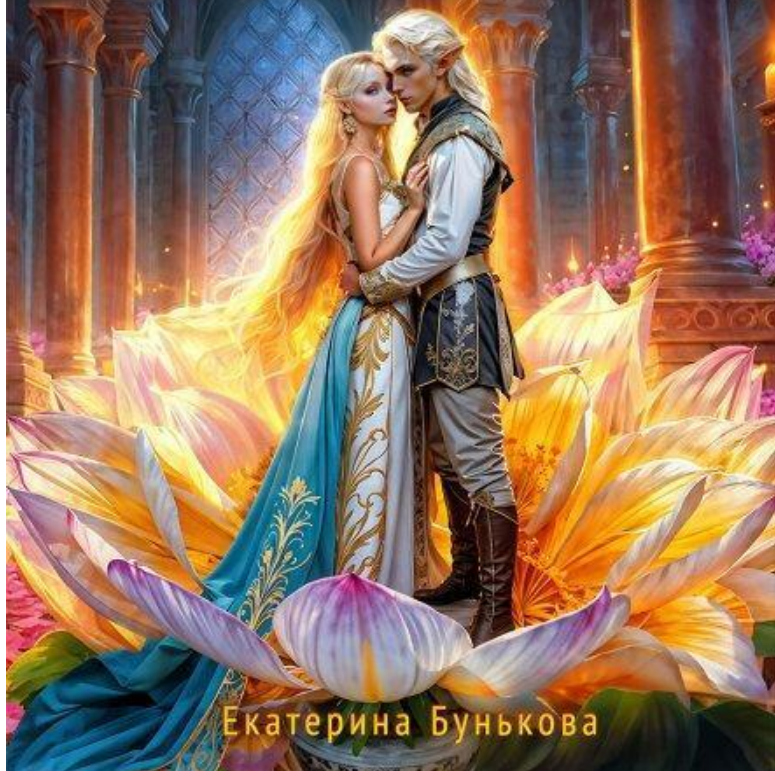

Любовь и жулики или Охмурить принца

Екатерина Бунькова

Екатерина Бунькова Любовь и жулики, или Охмурить принца

<https://litres.ru/74205454>

Аннотация

"Ваша жизнь заурядна и предсказуема? Съемная квартирка, низкооплачиваемая работа, никакой личной жизни и перспективы, стремящиеся к нулю? Отлично! Вы – идеальный клиент для феи. Одно желание всего лишь за десяток лет жизни! Вуаля, и вы попаданка!

Принцы голубых кровей с проверенной родословной, белые кони от надежных производителей, уникальные чудовища почти без ГМО и жизнь в лесной хижине расширенной планировки в комплекте. Мелким шрифтом: Фирма не несет ответственности за обслуживание против воли, а также наличие в зачарованном лесу чудовищ. Ответственность за формулировку желания лежит на клиенте."

Содержание

Пролог, написанный двумя пьяными музами	4
Глава 1. Спасение падшей женщины	24
Глава 2. "Шмелиный зад"	43
Глава 3. Про первый блин и прочие неприятности	62
Глава 4. Про искусство	92
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Пролог, написанный двумя пьяными музами

В наш суетный век мегаполисов, навороченных гаджетов и бесплатного вай-фая нечасто встретишь на улице утонченную леди, способную покорить мужчину одним взглядом, а женщину – теплой улыбкой и бесконечным изяществом.

Да. Нечасто встретишь. Вот и мы ее не встречали, так что придется рассказывать о девице попроще.

Зовут ее Люба Саушкина. Такое вот круглое деревенское имя, весьма подходящее для девчонки «с района» из захудалого Н-ска.

Впрочем, оно ей совсем не идет. Когда слышишь имя Люба, представляется улыбчивая, розовощекая и довольная жизнью девица – истинно русская красавица. А наша героиня – «тощая серая мышь». Так назвал ее первый (и, к сожалению, пока единственный) претендент на место в койке и штамп в паспорте.

Но ни до первого, ни до второго дело не дошло. На первом же свидании выпив лишнего, парень ненароком обронил, что рассчитывает на Любушкину помощь в выплате кредита, взятого на покупку битой жизнью «Лады». По возвращении со свидания также выяснилось, что покататься на последней никак нельзя, ибо уже разбита, а «ночь любви» обязательна,

ибо переночевать ухажеру тоже негде.

Тогда-то, после отказа, наша героиня и была удостоена звания «тощей серой мыши», и любовная история быстро закончилась, отбив желание к повторению опыта. А зря. Ведь Любочка у нас – девочка симпатичная. Кхм. Если ее хоть разок сводить в салон красоты и приодеть, как следует, конечно.

Но никто ей таких подарков не преподносит. Живет Любушка скромно, можно даже сказать аскетично: съемная однокомнатная квартирка с домашними животными в виде тараканов, книги вместо телевизора, подержанный ноутбук и полупустой шкаф, благодаря которому Люба может честно сказать, что ей нечего надеть, и всем модницам в этот момент грех не выдержать минуту молчания.

Налоги она платит исправно, денег в долг не берет, но и сама не дает, отчего у нее наблюдается катастрофическая нехватка друзей, о которой, впрочем, Люба нисколько не сожалеет. Так что ни друзей, ни мужа у нее нет даже в перспективе. Кота пока тоже, но Любушка уже задумывалась о пушистом спутнике жизни.

Самое интересное, что стоит сказать об этой девушке: Люба верит, что жизнь – полосатая. Что после каждой черной полосы непременно наступит светлая. Пусть совсем узенькая и почти незаметная, но она обязательно будет, надо только дожидаться ее, не опускать руки из-за бесконечного невезения.

Да-да, такой вот наивный человек – агнец божий. То есть агнец государственный – образец гражданина и патриота, добровольно приносящего себя в жертву во имя устаревших краснознаменных принципов. Тем только Люба и живет: зубами за жизнь держится, бьется с судьбой, визжит и царапается, не давая себя утопить.

А судьбе только того и надо: изгаляется над девчонкой, как только хочет. То работы лишит, то воришку найдет, то в магазине обсчитает, то свет отключит, то потоп устроит, то влюбленного бомжа под окнами поселит, то арестует по ошибке, то опять же по ошибке зарплату не на тот счет переведет, то...

Разнообразие, в общем. Больше десяти лет преследуют Любушку сплошные неудачи и разочарования, ежедневно заставляя усомниться в ее убеждениях. Но то ли вмешалось какое-то божество, то ли действительно существует в жизни «закон зебры», в который свято верит несчастная Любушка, но однажды судьба отступилась и решила-таки дать ей шанс.

Любе Саушкиной пришло письмо.

Письма вообще редкая штука, вы не замечали? Они ведь почти исчезли из нашей жизни. И не надо нам говорить, что кто-то ими еще пользуется.

Это было вовсе не «письмо счастья» от пенсионного фонда, не уведомление на бывшего жильца съемной квартиры с требованием немедленно погасить долг по кредиту, не письмо из Хогвартса и даже не заплутавшее в незапамятные вре-

мена в параллельном мире под названием «Почта России» письмо самой себе, отправленное ею когда-то по принципу «А что будет, если...?».

Интересно, кстати, оно когда-нибудь до нее дойдет? Если да, то это будет настоящая капсула времени. Может быть, о нем даже в газетах напишут. Впрочем, о чем это мы? Ах, да.

Любе пришло письмо... из тюрьмы. С той самой зоны, мимо которой она еще пару лет назад каждое утро ходила в школу.

Конверт был желтый, маленький и вроде бы вообще советский. По крайней мере, он был неформатным, и вложенный в него замызганный тетрадный лист неизвестному отправителю пришлось свернуть втрое. Тем не менее, на конверт были деловито наклеены новенькие марки, а поверху кто-то даже мазнул печатью.

В письме была всего одна строчка: «Ласточка моя, я откинулась! Уже лечу, ставь чайник!»

И подпись – «Твоя Ф.К.».

Первой мыслью Любы было: «А-ха-ха, Маринка, очень смешно». Потом она вспомнила, что подружке – сестре по детдомовскому несчастью – государство отвалило квартиру в пригороде (жуткую вообще-то, но все-таки!). А ей, как официально удочеренной – шиш с маслом. И теперь подруженька живет далеким-далеко и о Любушке даже не вспоминает.

Вторая мысль была: «Что за бред? Кому там, в тюрьме,

так весело стало?». И только третья мысль осторожно поинтересовалась у Любиной памяти, нет ли у нее, случайно, еще родственников, кроме тетки.

Память напряглась, припадочно подергалась, вызвав нервный тик на левом – сером с желтой точечкой – глазу Любы, и заявила, что таких сведений в мозгу не содержится. Ни в первой, ни во второй извилине. Порекомендовала обратиться к рассудку.

Рассудок, поправив пенсне, задумчиво покусал губы и предложил не мучиться и позвонить тете Клаве. Так Люба и сделала.

Тетя Клава была ее единственной родственницей с тех пор, как в пятилетнем возрасте Люба лишилась родителей. Поначалу девочка про нее даже не знала. Жила себе в детском доме и свято верила, что однажды за ней приедет блестящий белоснежный BMW, из него выйдут мужчина в строгом костюме и женщина в пушистом меховом мантио – родители, то бишь.

Любушка выбежала бы к ним, они бы расплакались и рассказали ей, что никто не умер в той аварии, и что все это время они просто искали ее – единственную, любимую, родную – и никак не могли найти. И подружки Любы, повысывавшись из окон, тоже плакали бы – от умиления – и завидовали.

Но время шло, а белый BMW все никак не желал осчаст-

ливить сиротку.

На самом деле родителей Люба не помнила. Вообще ничего о своем детстве до детдома не помнила. Да и этот период как-то не особо запечатлелся в ее памяти. А вот визит грузной, безостановочно охающей и причитающей женщины откровенно деревенского вида, запомнился.

Любу тогда придели, причесали, повязав белый бант, и позвали в большой красивый кабинет. Все ребята знали, зачем туда зовут: удочерять-усыновлять. Но Люба до последнего верила, что за ней приехали родители.

Первое время тетю Клаву она ненавидела. От женщины за версту несло деревней, хоть она и жила в городе. Ее доброта и жалостливость бесили Любу.

Несколько раз девочка сбегала. Однажды даже вернулась в детдом. Потом привыкла, успокоилась, полюбила простодушную женщину и стала жить дальше. А когда от тети Клавы ушел муж-пьяница, все и вовсе стало хорошо. Ну, нормально, то есть.

– Алло, тетя Клава, привет, – привычно оттараторила девушка в трубку, обмахиваясь странным письмом: жара стояла страшная.

– Ой, здравствуй, Любочка! – тут же затрещало на том конце. – А я тут пирожки готовлю! Может, прибежишь?

– Да не, спасибо, – ответила Люба, сразу пресекая все попытки тетки превратить ее в колобка: стройные ножки были, пожалуй, ее единственным настоящим поводом для гордо-

сти. – Ты мне лучше вот что скажи: у меня точно родственников других не осталось?

На том конце ненадолго повисла тишина: тетка задумалась.

– Если только дядя Саша, – неуверенно протянула тетя Клава. – Но он, говорят, в Ялте живет.

– А женского пола? – уточнила Люба, покосившись на подпись «Твоя Ф.К.».

– Нет, милая, никого не осталось, – сочувственно протянула тетка. – А почему ты спрашиваешь?

– Да так, письмо какое-то странное пришло, – нахмурилась девушка. – Может, перепутали?

– Что за письмо? Угрожает кто? Денег требует? – тут же оживилась тетка: вдвоем с племянницей они пережили уже не одну подобную атаку – побочный эффект брака с алкоголиком.

– Не-не, все норм! – быстро пресекла Люба разгорающийся пожар переживаний. – Самое обычное письмо с приветом. Наверное, и правда по ошибке пришло.

– А, ну тогда ладно, – успокоилась тетка. – На пирожки-то придешь?

– Нет, спасибо, – еще раз отказалась Люба и отключилась. Это было странно. Конечно, когда ты живешь на съемных квартирах, в почтовом ящике частенько находится почта на имя предыдущих обитателей. Но это-то письмо было адресовано Любе!

Еще раз повертев в руках сомнительный конверт, Люба совсем уже было собралась бросить письмо в мусорное ведро, как раздался звонок в дверь.

«Ну тетя Кла-а-ва-а!» – мысленно простонала Люба, шурша тапками по пути в коридор.

Тетка жила на этаж выше и вечно доставала ее своими кулинарными изысками: женщина была на пенсии, заняться ей было нечем, а тут племянница – восемьдесят-шестьдесят-восемьдесят. Как же ж не превратить ее хотя бы в девяносто-девяносто-девяносто. А еще лучше – сто тридцать. Килограмм. И это был вечный повод для их войны.

Пакт о пищевом ненападении они подписали еще в прошлом году, когда Люба съехала от тетки и начала самостоятельную жизнь. Но тетя Клава продолжала партизанить, подкидывая еду ей под дверь, кидая с верхнего балкона или торжественно вручая на лестничной площадке всякий раз, как ловила племянницу за попыткой по-тихому пробраться домой.

– Тетя Клава, я правда уже сыт... – начала Люба и смолкла на полуслове, обнаружив за порогом улыбающуюся во весь рот крупную женщину неопределенного возраста.

Женщина была незнакомая, одетая в какие-то древние тряпки, с неприятной рябой кожей лица и бородавкой на левом верхнем веке.

– Ласточка моя, как же ты выросла! – взвизгнула незнакомка, бросаясь Любе на шею.

От неожиданности девушка не сообразила увернуться. Только зашарила взглядом по квартире, прикидывая, куда бы юркнуть, когда ее отпустят, чтобы запереться и вызвать полицию.

– Худенькая какая! Симпатичная! Славная! – частила гостя, целуя Любу в щеки после каждого слова.

– П-простите, а вы кто? – наконец, спросила та, вежливо пытаясь вырваться.

– Как кто? – удивилась гостя. – Я – твоя фея-крестная!

Люба уставилась на нее с той самой смесью презрения, усталости, недоверия и жалости, которая свойственна только людям с большим и печальным жизненным опытом. В голове у Любы произошла замена цифр, которые она уже мысленно набирала на своем старом кнопчном телефоне: тут не полиция нужна, а психовозка. Или все-таки полиция?

– Фея... к-крестная? – уточнила Люба, не зная, можно ли смеяться.

– Угу, – кивнула женщина, деловито закрывая входную дверь, как у себя дома, скидывая обувь и нашаривая тапки. – Ты чайник-то поставила? Нет еще? Так ставь скорее, я тут тортик прикупила!

Осторожно, чтобы не волновать психа, Люба попятилась в кухню. Щелкнула кнопкой пожелтевшего чайника и уже нацелилась было сделать стремительный рывок в сторону ванной, надеясь запереться там с телефоном до приезда соответствующих лиц, как женщина снова ухватила ее за плечи,

развернула к свету и сказала:

– Дай-ка я на тебя посмотрю. Ох ты, батюшки, как же тебе жилось-то плохо. И квартиру не дали, и в институт не приняли, и парень – мудака. Был.

Нет. Не сумасшедшая. Обманщица. Сейчас будет предлагать погадать, почистить карму, продуть чакры, навестить Иисуса или еще что-нибудь в этом роде. Слыхала Люба про такое: визнают мошенники что-нибудь о человеке, а потом прикидываются экстрасенсами, деньги последние отбирают.

Вот только нечего у нее отбирать: Люба – человек простой, живет от получки до получки. И сейчас у нее в кармане как раз последние двести рублей. Главное – ни на какие кредиты не соглашаться. И паспорт не показывать.

А женщина тем временем продолжала причитать, припоминая все новые и новые подробности Любиной жизни. И как на работе недостача неизвестным образом обнаружилась, и как Борька-грузчик за задницу лапал, и как в лифте на прошлой неделе застряла, и даже как соседский бульдог пометил ее пакет с покупками, пока девушка пыталась вытащить заклинивший в замке ключ. При этом гостья деловито звякала ложкой в кружках, насыпая сахар, и резала торт: хозяйничала, как у себя дома!

– Но ничего, – подвела женщина итог своему странному монологу и качнула ножом, измазанным в креме. – Мы сегодня все поправим.

– Как? – не сдержалась Люба: интересно все-таки, что эта

обманщица предложит.

– Я же говорю: я – твоя фея-крестная, – улыбнулась женщина, прикладывая большие ладони к лицу девушки и делая ей «губки бантиком». – Мне такие беды – раз плюнуть!

– Тогда чего ж ты раньше не «плюнула»? – пробурчала Люба, выворачиваясь из чужих рук.

– Так на зоне была, там особо не «поплюешь», – тем временем пояснила женщина. – Ты садись, давай, чего как неродная? Чай пить будем.

Люба села. Не похоже было, что ее пытаются загипнотизировать.

«Хотя тортик есть все же не стоит, вдруг там что опасное подмешано? – подумала она. – Еще продадут в рабство куда-нибудь в Эмираты или еще дальше. И ведь никто, кроме тетки, не хватится».

Люба осторожно взяла кружку, но пить не стала. Страх чуть отступил, ее отчего-то начала забавлять эта ситуация, и хотелось узнать, что будет дальше.

А чем дальше, тем более безобидной казалась женщина, не смотря на прозвучавшее слово «зона», отдававшее Солженициным творчеством. Уж на кого-кого, а на сказочную фею она точно не походила.

Впрочем, на ведьму тоже не тянула. На аферистку – да. На гадалку – возможно. А больше всего она походила на тетю Клаву. Только тетя Клава была совсем деревенщина, а эта – скорее работяга с завода. Сталелитейного.

– А за что вас... посадили? – все-таки спросила Люба, подозрительно косясь на мозолистые руки гостыи.

– Да так, – женщина отмахнулась, и огоньки в ее глазах на миг подернулись темным облачком. – Что ушло, то ушло, и говорить не стоит. Я уж все отсидела. И даже больше: накинули чуток. Случайно получилось.

Девушка постаралась вспомнить, за что могут «накинуть». Ничего хорошего не вспоминалось. Люба снова задумалась о том, не позвонить ли ей, куда следует. Но отчего-то продолжала сидеть и расспрашивать странную гостью, как Красная Шапочка – волка:

– Но если вы фея, то почему же тогда не взмахнули волшебной палочкой и не растворились в розовом облачке, когда вас мусора вязали?

Женщина хрюкнула в кружку и оглушительно заржала – так заразительно, что и Люба заулыбалась. Задорный, деревенский хохот рассыпался по тесной кухоньке, изрядно потрепав барабанные перепонки девушки, привыкшей к тишине и одиночеству.

– А ты смешная, – сказала гостыя, отсмеявшись и утирая глаза ладонями. – Нет, доченька, нельзя нам, феям, для себя колдовать. Если уж замели, приходится палочку прятать и выходить с поднятыми руками. Вот для крестницы поворожить – другое дело. Помнишь, как я тебе Барби наколдовала?

Люба подумала и отрицательно помотала головой.

– А щенка?

Люба снова помотала головой.

– И ведро мороженого не помнишь? – поразилась гостья, всплеснув руками.

– Вы меня простите, но даже если все это у меня когда-то было, для этого не нужна волшебная палочка, – заметила Люба. – Достаточно и кошелька.

– Я ж не виновата, что ты такую ерунду загадывала, – обиделась женщина. – Вот был у меня до тебя один малыш – так он пожелал править миром. Правит. Только не нашим, а иным.

Женщина многозначительно ткнула в пространство. Люба подозрительно прищурилась. Что-то в мир иной ей пока не хотелось.

– И что взамен? – уточнила девушка, в свои двадцать лет хорошо знавшая, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

– Взамен на что?

– На дары, – пояснила Люба.

– А-а-а, – улыбнулась гостья, сверкая металлическими коронками. – Такса обычная: до семи лет бесплатно, а затем за каждое желание – десять лет жизни. Тем и кормимся. Чай не ангелы небесные, чтоб забесплатно вкалывать.

Люба фыркнула, вообразив такого вот тяжеловесного «ангелочка», и, забывшись, глотнула чаю. Почему-то ей понравился этот логичный, прямо-таки базарный подход к строе-

нию вселенной, и в попытку отравить перестало вериться.

– Но ты не волнуйся, – тут же добавила женщина, улыбаясь до «гусиных лапок» возле глаз. – С тебя, моя ласточка, я ничего не возьму. Ты мне, как-никак, внучатая племянница, да еще и крестница! Сам бог велел тебе помогать от чистого сердца.

Люба открыла рот. Выходит, все-таки родственница. Надо же.

Еще раз окинув взглядом новоявленное пополнение генеалогического древа, девушка подумала, что уж лучше б работа нормальная нашлась. Или муж. Или любовь, в крайнем случае.

– Кстати, я чего пришла-то: задолжала я тебе, – перешла гостя на более деловой тон. – Мы, феи, родственников за-всегда малыми желаниями бесплатно балуем до двадцати лет. А потом – ни-ни. Тебе ж как раз скоро двадцать, так?

– Так, – настороженно кивнула Люба.

– А тут так получилось, что я... что не было меня, в общем, долго, – продолжила гостя. – А точнее, пятнадцать лет. И теперь вот я вроде как тебе пятнадцать желаний должна. Ты, конечно, можешь все пятнадцать загадать, но они тогда мелкие будут. Но можно загадать и одно желание – крепкое, сильное. С пятнадцатилетней выдержкой.

– Например, чтоб миром править? – прищурилась Люба, с трудом сдерживая нервный смешок.

– А почему бы и нет? – искренне улыбнулась фея. – Ты

только сразу уточняй, какой должен быть мир и как ты им править должна. А то иногда осечки бывают. Миров-то – бесконечное множество, а возможностей в них – еще того больше.

Она шумно швырнула чаем и вдруг решила поделиться воспоминаниями:

– Один тут у меня загадал: хочу, дескать, богом быть, наблюдать, как жизнь зарождается, – сказала «фея». – Ну и стал: уже десять лет смотрит, как бактерии эволюционируют. Так что ты поосторожнее. Желания – наука не простая. В этом деле лучше все прописать хорошенько: чем подробнее напишешь, тем точнее сбудется.

– То есть, если я вам выдам свою любимую книгу, вы сможете сделать так, чтоб все было как там? – недоверчиво и слегка презрительно уточнила Люба, сложив руки на груди.

– Ну, не совсем, – кивнула женщина, отправляя в рот огромный кусок торта. – Я могу из всей бесконечности миров выбрать тот, что больше всего на желаемый похож, и отправить тебя туда. И снабдить, чем захочешь, на первое время.

Нелепость уже зашкаливала, так что Люба решила, что пора напомнить гостю о реальности.

– Если это так, то докажите, – потребовала она. – Покажите что-нибудь волшебное.

«Фея» с усмешкой подняла на нее бровь, подмигнула, и на столе перед девушкой под тихое шипение причудливых

клубов пара материализовались хрустальные туфельки. От них повеяло потусторонним холодом.

Люба замерла, как перед шипящей змеей: ни фиги себе фокус.

– Хочешь быть Золушкой? – поинтересовалась женщина, умиленно наблюдая за тем, как у крестницы отвисает челюсть. – Тут в паре десятков миров как раз бесхозные принцы пропадают.

– Как вы это... вы что, правда?... не может быть, – забормотала Люба, тыкая пальцем в сверкающий хрусталь, чтобы удостовериться, что ей это не мерещится.

Туфельки не желали растворяться в воздухе. Они были холодными, но такими реальными, что хотелось налить в них водки и выпить за ломку стереотипов. Верить или не верить? Вот в чем вопрос!

– Ну конечно, глупышка, – улыбнулась фея. – Загадывай, не стесняйся. А то мне еще по клиентам лететь: у меня жизни почти закончились, так и сдохнуть можно ненароком. Да и шухер среди своих не мешает навести.

– Желание... – Люба вдруг засомневалась: может, просто гипноз? Или она и правда фея? – Знаете, я как-то не привыкла к таким подаркам. Может, все-таки не надо?

– Бедная ты моя девочка, – тихо и ласково сказала женщина, утирая выступившую слезинку. – Это ж какая у тебя жизнь была, что ты в чудеса совсем не веришь?

Она потрепала крестницу и добавила:

– А я-то еще думала: чего высшие силы так носятся со своим законом, что у каждой феи должен быть хотя бы один крестник? Мне ведь всегда казалось, что желания нужно исполнять только у всяких говнюков, чтоб они жизнью своей платили и на свете белом не задерживались. А тут вона как. Нет, надо срочно колдовать. О, гляжу, у тебя тут книжек много. Любимые?

Люба покосилась на полку и робко кивнула. Женщина встала, вытянула несколько томиков в цветастых обложках, нацепила на нос очки и деловито принялась листать страницы, поплеывая на палец.

– Принцы... эльфы... ага, понятно... вот тут интересно... и это еще можно поискать... а это вообще без проблем, в каждом мире по сотне, – бормотала она.

Люба тем временем пыталась незаметно взять мобильник, лежавший на столе возле самого феинового бока. Как хорошо, что ее смартфон разбился: на запасном кнопочном она могла набрать номер, не глядя. Магия магией, а психовозка все-таки не помешает. Не для феи, так хоть для самой Любы...

– Все, я решила, – фея громко хлопнула книжкой. – Будет тебе самая наиволшебная сказка из всех, что ты читала.

– Это какая? – прищурилась Люба, делая вид, что только что тянула руку не к мобильнику, а к сахарнице. – Про Синюю Бороду? Или девочку со спичками?

– А-ха-ха! Смешно. Тут ты меня уела, – снова разулыбалась женщина. – Нет. Сделаем все по стандарту: с принца-

ми на белых конях, эльфами, чудовищами, каменными замками и всем, что не стареет. Особые пожелания будут? Ну там, звезду во лбу или месяц под косой могу наколоть. Также ресницы наращиваю, ногти, си... в смысле, грудь побольше делаю.

– Эм-м, – Люба в растерянности огляделась и неожиданно нашла способ взять телефон: нужно просто отвлечь женщину и заставить ее сесть обратно, а самой перейти на другую сторону, вроде как для того, чтобы книжки на место поставить. – Ну, пожалуй, мне бы розовое платье. Как в детстве. Знаете, такие пышные бывают, блестящие?

Это было первое, что пришло ей в голову: печальное воспоминание о том, как однажды ей досталось на новый год самое лучшее в мире платье – розовое, воздушное. Она в нем была как принцесса. Жаль, в тот же вечер девчонки из соседней комнаты его порвали – из зависти – и сказка закончилась, так и не начавшись.

– Без базара! – улыбнулась фея, закатывая рукава. – Только должна предупредить: мир обмену и возврату не подлежит, ответственность за содержание желания несет загадывающий. И если вдруг тебе надоест, вернуться уже не сможешь. А впрочем, куда тебе возвращаться-то?

– Знаете, у меня тут тетя есть, – забормотала Люба, с подозрением наблюдая, как женщина полезла под стол и принялась копаться в огромном пакете.

– Да какая там тетя, – отмахнулась фея. – Не родствен-

ница она тебе. Так, знакомая твоей мамы. Перед тем, как за решетку загреметь, я над ней поколдовала чуток, чтоб она о тебе позаботилась. Уйдешь – она о тебе забудет.

– Хотите сказать, у меня в этом мире ни одной родной души? – спросила девушка, все-таки улучив момент и схватив телефон со стола. Есть!

– А ты думала, крестных от балды назначают? – усмехнулась фея, выбираясь из-под скатерти. – Там, на небесах, отлично знают, кому помощь нужна, а кому – искушение. Так что не жалей ни о чем. Да и о чем тебе жалеть? Что терять? Работу продавца-кассира? Коллекцию неудачных отношений? Иди сюда, не бойся, чудо мое. Давай-давай, вставай.

Люба встала, судорожно пытаясь не глядя набрать нужные цифры на телефоне. Фея, тем временем, крепко обняла ее, чмокнула в макушку, нагнулась и подняла... бейсбольную биту! Крепко ухватив ее обеими руками, как в американских фильмах, она уже пошла на замах, когда Люба вскрикнула, поднимая руки и пятясь:

– Эй-эй, что это?

– Как что? – невозмутимо откликнулась фея, покачивая битой и пружиня на широко расставленных ногах. – Волшебная палочка!

– Палочка? – переспросила Люба, вытаращив глаза и продолжая пятиться. – Вы с ума сошли? Эй, люди, помогите! Убивают!!

— Ну вот, каждый раз одно и то же, — поморщилась фея от ее визга. — Чего сразу убивают-то? Ну да, была у меня пара оплошностей. Раз в триста лет со всяким случается. Кстати, я проживу в твоей квартире, ладно? Тебе ж все равно теперь без надобности...

И фея снова пошла на замах.

Поняв, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих, Люба бросилась к балкону. Она успела добежать до двери и даже сделать отчаянный прыжок в открытое окно, но бита, запущенная сильной рукой, оказалась быстрее.

Раздался неприятный звук, и не стало больше в этом мире хорошей девушки Любы Саушкиной. Сим фактом и завершаем мы свое повествование о короткой жизни несчастной сиротки. Дальше пусть сама рассказывает. А у нас, музов, есть и более интересное занятие, чем писать всякую слюнявую чушь.

Автор, наливай!

Глава 1. Спасение падшей женщины

Знаете, как еловые ветки по заднице хлещут? Правильно. Больно хлещут. Особенно по голой – трусики не в счет. И с одной стороны, хочется, чтобы непредвиденная порка прекратилась, а с другой, очень радостно, что хоть что-то мое падение с ба-а-альшой высоты задерживает.

Откуда под моим окном взялся густой еловый лес, я так и не поняла: там отродясь росли только сугробы из окурков. А еще непонятнее была мысль, с чего это вдруг я так долго падаю.

Но стоило мне об этом всерьез задуматься, как елки кончились. Мгновение свободного падения, мой короткий визг и...

Удар был сильным. Аж в глазах потемнело. Показалось, что все внутри сплющилось о ни в чем не повинный позвоночник. Поперек спины вдарил железный прут (или перила, что больше похоже на правду), а поперек бедер – нечто сходное по твердости. Мозг вжало в горло так, что удивительно, как я его не проглотила.

Почти в то же мгновение послышался какой-то звук – то ли мат сквозь сжатые зубы, то ли выдох присевшего под грузом штангиста – и я приложила еще и своей многостра-

дальной попой. Потом наступила страшная тишина.

«По-любому позвоночник сломан», – мгновенно покрывшись холодным потом, подумала я.

Медленно, не открывая глаз, шевельнула ступнями. Ощущения есть. Значит, ходить буду. Это уже хорошо.

Чуть более уверенно подвигала в воздухе пальцами рук. Тоже слушаются. А теперь самое страшное – ощупать себя на предмет переломов. Грудь, живот, бедра...

Что это на мне такое шершавое и до жути синтетическое? Куда футболка делась? А джинсы?

Тут в лицо мне пахнуло запахом сильно курящего человека, годами пренебрегающего услугами жевательной резинки. Я приоткрыла один глаз, дабы ознакомиться с его источником.

– Зды-зды-здасьте, – пробормотала я удивленно приподнятым бровям. После чего скромно прижала ладошки к груди, стремясь занять как можно меньше места в чужих руках. Тех самых, что едва не переломали мне ребра при совершении операции по спасению самоубивающейся девушки.

«Эмчезник» недоуменно пыхнул зажатой в зубах трубкой, обдал меня клубом едкого дыма, заставив закашляться, и задумчиво протянул:

– М-да.

– Извините, – снова подала я голос. – Вы меня на землю не поставите? Пожалуйста.

Спаситель молча убрал одну руку. Меня крутануло. В но-

ги ткнулся ковер из еловых иголок. Я неуклюже замахала руками, пытаюсь удержать равновесие. Не удержала, сложилась в позу детской горки. Ой, а чего это попе так холодно?

Стремительно ощупываем пятую точку и... эм-м, надо срочно принять вертикальное положение и одернуть одежду.

Я резко выпрямилась. В глазах снова потемнело, тело повело в сторону. Пришлось сделать серию неуклюжих шагов, сохраняя равновесие. Босые ступни больно закололо. Видно, тапки слетели в полете.

– Ты кто? – голос у спасителя был низким и хрипловатым, так что сразу стало понятно: говорит он редко и только по существу.

– Любовь, – тут же послушно отчиталась я, наскоро пытаясь оправить разлохмаченные падением волосы и сообразить, откуда передо мной большая, раскидистая ель.

– М-м, – насмешливо кивнул он. – Да я вроде не заказывал. И почему нынче любовь?

Взгляд мужчины красноречиво опустился вниз. Я по инерции склонила голову. Мама дорогая! Да это ж мое розовое платье! Прямо как из детства: такое же пышное, блестящее... И того же размера – на маленькую девочку. То есть с трудом прикрывает трусики. Упс.

Я скрестила руки ниже пояса, как в дешевой комедии, и густо покраснела.

– Оригинальный метод поиска клиентов, – неожиданно похвалил меня незнакомец. – Поймал – значит, облапал. А

раз облапал – плати. Только со мной этот номер не пройдет, красавица: я за любовь не плачу.

– Вы меня не так поняли! – тут же перебила его я, краснея уже до кончиков ушей. – Я на вас случайно свалилась: меня фея пыталась убить!

– Фея? – пыльно-голубые глаза насмешливо прищурились. – Убить? А ты ничего не перепутала?

– Ну да, – я активно закивала. – Говорила, что желание исполнит, а сама на меня с дубинкой... Ну, я и выпрыгнула в окно. А тут – ёлки!

Для убедительности я ткнула пальцем перед собой. Мужчина снисходительно туда глянул. Я тоже. Вот блин. Действительно же ёлки! Зеленые такие, могучие. Конца-края им не видать, одни стволы и ветки.

– А... – я замялась. – А где я?

– В ельнике, – хмыкнул мужчина, принимаясь выбивать угасшую трубку.

– А дом где? – задала я не менее гениальный вопрос.

– Мой? – фыркнул собеседник, уже явно издеваясь.

– Ну, хотя бы ваш, – я пожала плечами: возможно, когда я выпрыгнула, за окном был шквалистый ветер, и меня просто забросило в парк? Сдувает же меня зимой, когда гололед. На полметра обычно, но сдувает же!

– Город – там, – мужчина мотнул головой куда-то влево. И мне в глаза сразу бросилась крайне оригинальная деталь его внешности.

– Ёк-макарёк! Нифига себе уши! – я открыла рот, плясая на два заостренных «локатора». Нет, я, конечно, слышала про пластические операции, но чтоб в нашем мухосранске такого кадра встретить... – Они накладные или пришитые?

– Слышь, ты язык-то прикуси, – мигом согнав улыбку с лица, грубо ответил мужчина. Затем, видно, окончательно записав в меня в лагерь «опустившихся» баб, он наклонился за своей котомкой и принялся укладывать в нее какие-то вещи с явным намерением покинуть территорию.

– Извините, – покаялась я и повнимательнее осмотрела своего спасителя.

Он был обряжен в неброский костюм из кожи и зеленой ткани, сливавшейся с пейзажем, и носил высокие сапоги на шнуровке. Из-за спины у него торчали пушистые оперения стрел и одно плечо лука со спущенной тетивой. Волосы были длинными, но грязными, и свисали неприятными патлами. Нет, не патлами: дредами. Кончики пальцев потемнели от табака, а под ногтями было черно.

Ну точно из этих... как их... ну которые по лесам бухают и мечами машут. Ролевики, во!

– Чего пялишься? – спросил он, кривя уголок рта. – Сказал же: за любовь не плачу.

– Да не шалава я! – я аж подпрыгнула от возмущения. – Это имя у меня такое: Любовь. Люба. Любочка. Любава.

– А чего ж ты тогда так одета? – он снова покосился на мои ноги, опять заставив меня принять позу Венеры в пене.

– Или точнее, раздета.

– Это все фея постаралась, – я чуть не всхлипнула, не зная, куда деться от стыда и неловкости. – Я ей сказала, что платье хочу, как в детстве. Вот она и выдала мне.

«Эльф» хмыкнул. Пошуршал чем-то в своей котомке, потом швырнул в меня темный комок, пахнувший дымом и прелой листвой.

– На, – сказал он. – Все равно собирался выбросить.

– С-спасибо, – неуверенно пробормотала я, разворачивая тряпье.

Это оказался старый, сильно потертый и подпаленный огнем плащ. Но, как говорится, дареному коню в зубы не смотрят, его сразу ведут на живодерню. Пришлось надеть, что дают – не сверкать же персиками мимо бабушек на лавочках.

– Бывай, – «эльф» махнул мне рукой, перекинул котомку через плечо и пошел куда-то в самый бурелом.

Бурелом? Э... а... Где город-то? И откуда все-таки бурелом? Неслабо же я головой приложилась. Может, тут всегда лес был? Или...

И тут меня посетила страшная догадка, заставившая желудок скрутиться в приступе ледяного ужаса. Фея же обещала мне иной мир, так неужели...

– Эй! Ты куда! – я метнулась следом за мужчиной, не чуя под собой ног. – А я?

– А что ты? – не оборачиваясь, переспросил он.

– Ты же не бросишь меня в лесу, – я кое-как перепрыгнула

через огромную корягу, цепляясь плащом за ветки.

– А почему бы и нет? – «эльф» пожал плечами.

– Но я же... я же потеряюсь! – я попыталась достучаться до его совести, стараясь при этом не слишком отставать от его бессовестной физической сущности.

– А я причем? – он снова пожал плечами. – У тебя с феей контракт, а не со мной. Вот пусть она тебя и спасает. Чай не старая еще, наскребешь десяток годков на желание.

– Да нет у меня никакого контракта! – я сделала огромный прыжок, но все-таки не долетела до другого берега ручья, и одна нога глубоко погрузилась в мерзкий холодный ил. Я тут же выдернула ее и с отвращением потрясла.

Фи. Только б тут пиявок не было. Ну почему я босиком? Тут же наверняка еще и фекалии звериные...

– Платье есть, а контракта нет? – «эльф» все-таки соизволил ненадолго глянуть на меня через плечо, чтобы одарить насмешливой улыбкой. Гаденькой такой улыбочкой. Сразу прилипшей куда-то в область внутренней стороны бедра.

– Но ведь про лес речь не шла! – припомнила я, плотнее запахиваясь в плащ, чтобы больше не «сверкать».

– Да, феи – они такие, – утвердительно и издевательски-понимающе покивал «эльф», снова принимаясь увеличивать разделяющее нас расстояние. – Те еще сучки.

– А ты тоже им желание загадывал, что ли? – я уже кричала, чтобы он меня услышал: так безнадежно отстала, пытаюсь босиком догнать в лесу обутого длинноногого козл... хороше-

го человека, не пожалевшего своих рук для спасения падающей с ели неудачницы.

– Разве я похож на дурака? – донесся до меня едва слышимый голос. Серая копна дредов еще виднелась среди веток, а вот «камуфляж» я уже не различала на фоне леса.

– На козла ты похож, – пробормотала я себе под нос, готовясь перепрыгивать очередную преграду.

Оступилась, испугалась, скатилась в какую-то яму. И тут уже по-настоящему осознала: никакой это не парк, я в чертовом лесу черт знает где! И судя по вон тому незнакомому дереву, это даже не Россия.

– Эй, мужчина! – в отчаянии закричала я, карабкаясь обратно. – Ну помогите же! Я вас по-человечески прошу!

Ответом мне была тишина. Только еловые вершины безмятежно шумели где-то наверху. По ноге поползла огромная мохнатая гусеница. Я посмотрела на нее. Она посмотрела на меня. Поднатужилась и одарила зеленым комочком, выпавшим с задней ее стороны.

– Эй! Кто-нибудь! – изо всех сил заорала я, срываясь на визг. – Помогите!

Тишина. Только кроны шумят под летним ветром. Так, ладно. Еще побольше воздуха наберем и...

– ПА-А-А-МА-А-ГИ-И-ТЕ-Е!!!

То ли мне удалось-таки достучаться до совести этого гада, то ли он просто решил надо мной поиздеваться, но после моего крика серая макушка эльфа вдруг возникла совсем

рядом — над толстым поваленным деревом.

Не успела я радостно выдохнуть, как меня обдало новой волной страха: этот гад целился в меня из лука! Методично так целился и явно не шутил.

— Эй, ты чего... — возмущенно начала я, но тут что-то коротко свистнуло возле моего правого уха.

Я дернулась. Раздался ужасающе пронзительный рев: то ли птичий, то ли звериный — непонятно — но полный боли и ярости. Что-то сильно шибануло меня по спине, так что дыхание перебило, и я пролетела почти метр, прокатившись по ковру сухих иголок, прежде чем болезненно затормозила головой о соседнюю ель.

Уй-ё...

Краем глаза я заметила, как на том месте, где я только что была, бьется что-то гибкое, гладкое и лаково-черное, а мой новый знакомый деловито всаживает в него стрелу за стрелой, ловко подпрыгивая и увертываясь, когда черное нечто хлещет лапой в его сторону. Нет, не лапой. Хвостом. Ошиженным таким хвостом длиной метров восемь!

Потерев сначала ушибленную макушку, а потом глаза, я убедилась, что зрение меня не обманывает, и на золотистом слое иголок действительно бьется склизкая змея толщиной с мою талию, слепо щелкая в воздухе жуткой пастью с часто растущими зубами. И похожа она была почему-то больше на иллюстрацию из учебника паразитологии.

Когда тварь раскрывала пасть в мою сторону, было замет-

но, что зубов у нее куда больше, чем требуется обычной змеюке: они были расположены по спирали и направлены внутрь тела. То есть если и удастся вытащить из пасти такой змеечки укушенную конечность, то уже без мяса: обдерет все подчистую.

Впрочем, эльф (чё, блин, правда эльф?!) увертывался от нее умело, а стрелы всаживал с силой, так что скоро змеюка была прибита ими к дереву. Он прорвался мимо бешено молотящего хвоста, сделал одно неуловимое движение ножом, и тварь вдруг обмякла и безвольно повисла, как резиновый шланг.

И сразу все стихло. Я слабо твякнула: нервная икота напала.

Спокойно поправив растрепавшиеся патлы и связав их в кучку шнурком, эльф повернулся в мою сторону. В глазах его еще горело адреналиновое пламя, но, глянув на меня, он будто споткнулся. Вскинув глаза к небу и сухо откашлявшись, эльф словно бы случайно заметил, что плащ стоило бы поправить.

Я в очередной раз густо покраснела, свела колени и встала, отряхиваясь и плотнее запахивая разметавшиеся полы.

Тем временем эльф подошел к убитой змее и деловито принялся отковыривать ножом блестящие крупные чешуйки с тех мест, где у нормального пресмыкающегося должны быть глаза.

– А... а... – забормотала я, не зная, что сказать.

– Больше спасать не буду, – отрезал эльф. – Случайно упасть с неба – это одно, а вот разбудить своим криком всю окрестную нечисть – совсем другое. Самоубийца.

– Ну помогите мне, – робко попросила я, глядя, как он выдирает из пасти монстра самый длинный и при этом подвижный клык. Буэ... – Проводите хоть до города. Я ведь не местная... кажется...

– Оно и видно, – сказал эльф, пряча чешуйки и клык в мешочек возле пояса и принимаясь выдергивать из твари свои стрелы. – Но я не в город иду.

– А куда? – тупо спросила я.

– Много будешь знать – повесят на городских воротах, – отрезал он и снова двинулся в путь.

Я тут же рванулась следом и ухватила его за рукав.

– Но мне правда некуда идти! – взмолилась я. – Помогите, пожалуйста. Хоть к каким-нибудь людям выведите. Я не дармоедка, расплачусь как-нибудь за помощь. Полы хорошо мою. Готовить могу, одежду стирать и прочее...

«Возьми меня с собой, я тебе пригожусь», – тут же вспомнилась мне строчка из какой-то детской сказки. Ну правда, чувак, возьми. В лесу мне оставаться точно нельзя. Сожрут ведь. В город бы, какой бы он ни был. И вообще, главное к людям выбраться, а там посмотрим.

– Вот дура... – эльф сокрушенно покачал головой, принимая последнюю попытку уйти, но я только крепче вцепилась в его рукав, так что нитки затрещали.

– Пожалуйста, – я заглянула в холодные голубые глаза. В них промелькнуло раздражение, усталость, и...

– Ну, хорошо, – сказал он с тяжелым вздохом. – Отведу тебя к Айше, и на этом расстанемся. Только не пожалей потом. Сама напросилась. И отцепись от меня, наконец, истеричка!

Победная мелодия в моей голове играла довольно долго. По крайней мере, я каким-то чудом успела отмахать босиком полкилометра под буйное «Сла-а-авься, сла-авься ты, Русь мо-оя!», пока не сообразила, из какой оперы сбежал этот трек.

М-да, «Иван Сусанин». А ножки-то бо-бо. Точнее, ножки горели от долгой ходьбы по еловым иглам, шишкам и прочим лесным прелестям. Тут впору вспомнить что-нибудь из репертуара более современных мастеров. «Славься, славься, магаданский муравейник», например.

Кстати о муравейниках. Их обитатели должны быть размером с кулак?

– Мамочка! – в очередной раз взвизгнула я, когда могучие жвалы попытались оттяпать мне большой палец ноги.

– Да хоть папочка, слезь с меня, – эльф устало отодрал меня от своей руки. – Вот ведь привязалась.

«Жизнь спасенного в руках спасителя», – проскандировал мой внутренний голос, и я, смутившись, отодвинулась. В

принципе, каждая девушка мечтает, чтобы ее спасли, и наверняка была бы не прочь вложить свою жизнь (а заодно и тушку) в надежные мужские руки.

Вот только одно но: у мужиков либо сильные руки, либо приятное лицо. И мой спаситель принадлежал к первой группе, так что в его объятия я спешила не от страсти, а от муравьев-переростков, жаб-липучек и ос-плевательниц.

И кстати, мужчина. Руки следует мыть хотя бы иногда. Да и ногти не мешало бы постричь. И подлечить. Это что, грибок? Фе-э! А нет, просто лишайник с дерева прилип. Тогда простите. Но вот голову вам точно стоит помыть. И сбрить этот намек на козлиную бородку.

Кстати, да, он же эльф. А они разве бывают бородатые? Впрочем, если подумать, ни в одной прочитанной мной книге не сказано, что у эльфов не растет борода. Только, что у них ее нет. А это разные вещи.

– Нам еще далеко? – в десятый раз поинтересовалась я, надеясь, наконец, услышать что-нибудь обнадеживающее.

Эльф только закатил глаза. Ладно-ладно, я тебя раздражаю, это ясно. Но разве не ясно также, что проще дать нормальный ответ, чем мотать нервы?

– А как тебя зовут? – решила я подойти с другого конца.

И снова в ответ лишь тяжелый вздох из разряда «Ну когда она уже заткнется?».

Меня начало разбирать зло. Что это, блин, за сказка такая? У меня такие «сказки» и в прошлом мире на каждом

углу встречались.

Идешь к директору с предложением поставить шкафчики в раздевалке и туалетную бумагу в сортир повесить, а он в ответ вздыхает и глаза закатывает. Идешь к менеджеру с просьбой не ставить тебя на смену под новый год, а тот вздыхает и глаза закатывает. Зовешь Галину, чтобы покупку отменить, а та...

Вот что всем по-человечески-то не говорится? Ну ладно, мне терять уже нечего. Считаешь меня истеричкой? Липучкой? Да на здоровье. Хоть свиньей назови. Только не обесудь, если захрюкаю.

– Хорошо, буду звать тебя...эмм... Цуцик, – решила я. – А что? Отличное имя!

Мой провожатый ожидаемо закрипел зубами. Чудесненько. Получи фашист гранату. Так, продолжим...

– Нет, Цуцик – это скучно. Френдибулька – вот отличный вариант, – понесло меня. – Или Ухотырчик. Задокрутик. Ностояка-повисяка. Писик-пусик? Обляделка? Не-не, во: Сраноморда!

– Тебе что, жить надоело? – перед моим лицом неожиданно быстро материализовался охотничий нож – точеный-переточеный и с подозрительными коричневыми пятнышками на тупой стороне.

Ладно, признаю, занесло от нервов. Уберите железяку, пожалуйста. А то что-то очень уж пи-пи захотелось.

– Извини, – пробормотала я. – Больше не повторится.

Что-то меня и правда понесло. Видно, стресс выходит. Вон и нервный смех где-то внутри уже булькает. Как бы и правда не сорваться в истерику.

Подумаешь, всего лишилась. Подумаешь, забросило неизвестно куда. Подумаешь, я здесь никому не нужна. Главное, что жива. Будем от этого отталкиваться. Жива, здорова, значит, все еще можно исправить.

Я затолкала зарождающуюся истерику поглубже внутрь, и мы снова зашагали молча.

– Кречет, – неожиданно сказал мой спутник четверть часа спустя, глядя куда-то вглубь леса.

– Где? – я сощурилась, пытаюсь разглядеть что-нибудь пернатое в той стороне, куда он смотрел. Но то ли зрение у меня не такое хорошее, то ли...

– Меня. Зовут. Кречет, – четко, как для дурочки, продекламировал мой спутник.

Ну блин, ты бы еще час спустя представился! Я уже и думать забыла, что спрашивала тебя об этом.

– Ум... Приятно познакомиться, – спохватилась я и подала руку.

Подала, вообще-то, для рукопожатия. Но Кречет, видимо, по привычке, потянулся ее поцеловать. Точнее, лишь наметил движение. Но рука была подана не так... и, видно, не той. По крайней мере, он быстро спохватился, растерялся, разозлился, но взял себя в руки и, сделав вид, что ничего не было, двинулся дальше.

Моя растерянность была более масштабной, так что я лишь неловко подвигала повисшей в воздухе рукой и зашагала следом.

На этот раз мы прошли совсем немного, когда лес неожиданно посветлел, и мы оказались на краю обрыва. Внизу текла неширокая, но стремительная река, в прошлом – могучая речница, судя по оставленному ею следу.

По ту сторону реки виднелся такой же обрыв, как и тот, на краю которого стояли мы, только раз в десять выше. На самом высоком его участке одиноким куском пирога, торчащим внутрь этого, с позволения сказать, каньона, виднелось странное сооружение наподобие пирамиды со шпилем – из темного камня или похожего на него материала.

Это что, замок некроманта?

– Город на той стороне, – Кречет ткнул пальцем в сторону замка, и я, присмотревшись, различила рядом с «могильником» множество домиков, совершенно теряющихся на фоне пестрого летнего пейзажа. – Еще не поздно свернуть к людям. Спустишься вот здесь, пройдешь вдоль берега налево. Там есть брод. Или пройди еще подальше, и найдешь мостик из поваленного дерева. Видишь во-о-он там начало дороги виднеется? Она петляет, но выводит вверх, к замку.

Я попыталась рассмотреть дорогу. Брат, да ты издеваешься? Я уже ног не чувствую, а ты мне предлагаешь подобный

марш-бросок?

– Слушай, Кречет, – я сделала просящие глазки. – Ты же обещал отвести меня к какой-то Айше. Она же ближе, да?

Кречет снова вздохнул и покачал головой.

– Любовь, – обратился он, немного споткнувшись на моем имени.

– Люба, – мягко подсказала я краткий вариант.

– Люба, – послушно повторил он. – Ты же понимаешь, что я не простой охотник, правда?

– Ну, – неуверенно протянула я. – А какой тогда?

Кречет вытянул указательный палец и потер лоб, массируя его. Смешной жест. А руки-то мыть надо после разделки змеиных туш. Вон, темная точка посреди лба осталась.

– Это Лихолом, – он махнул рукой на ту часть леса, из которой мы вышли. – Сюда нормальные люди не ходят. Даже охотники.

– Почему? – удивилась я.

Он приподнял брови, как бы говоря: «А ты что, сама не понимаешь?».

Нет, не понимаю.

– Это заповедник магических тварей, – пояснил он. – Тут охотиться опасно. И запрещено.

Я все еще непонимающе смотрела на него. Но мы же выжили? Значит, все нормально. Спасибо, что сразу не сказал, что это лес-убийца. Я б тогда вообще всю дорогу у тебя на шее ехала, визжа, как ненормальная. А бояться опосля уже

как-то несолидно.

Он помолчал еще немного, будто ожидая от меня реакции. Реакции не последовало.

– Запрещено. Охотиться, – снова отдельно повторил он, с намеком двинув бровью. – За это вешают, понимаешь? А за прогулку – порют розгами.

– А... – я пожевала воздух в надутых щеках, проглотив так и не сформировавшуюся фразу. – Так ты... браконьер, что ли?

Ответом мне была тишина и словно бы безразличное разглядывание реки. Я еще немного подождала разъяснений, но Кречет вдруг наострил уши, повернул голову и прищурился, рассматривая что-то у меня за спиной.

Я на всякий случай замерла. Вдруг он опять стрелять будет, а я в этот момент дернусь? Влепит мне стрелу промеж глаз, и поминай, как звали.

Рассмотрев неведомое нечто, мой спаситель расслабился и снова отвернулся. Но тут уже у меня возникло жуткое ощущение взгляда в спину.

Щелкнула ветка (судя по звуку, где-то в полуметре от меня), в затылок мне кто-то шумно фыркнул. Волосы шевельнулись и встали дыбом от влажного и при этом холодного дыхания. Я вздрогнула и медленно-медленно повернулась.

В нос мне уткнулось огромное и мохнатое мурло с черными дуплами ноздрей. Длинная переносица (или как там называется середина морды у копытных?) поросла плеши-

вой, будто от стригущего лишая, шерстью. Большие выпуклые глаза были слегка белесыми и как будто слепыми. Катаракта, что ли? Зато над всем этим убожеством нависали огромные, мшистые рога.

Существо стояло, не двигаясь, и больше не только не фырчало, но и как будто даже не дышало. Оно вообще живое?

Но тут лось шевельнул ухом, и я отмерла.

– Ма-ма, – тихо сказала я, отползая назад на негнущихся ногах.

Но лося и не думал меня обижать. Совершенно беззвучно ступая раздвоенными копытами, он подошел к Кречету, ткнулся мордой ему в плечо. Тот не глядя поднял руку и почесал зверя под подбородком.

А-а, так он ручной. Фьюх, от сердца отлегло. Всегда считала лосей мирными животными, но когда такая вот зверюга глядит на тебя в упор и нависает рогами, сразу понимаешь, что мирный – не значит безопасный.

– Охраняй, Малыш, – скомандовал ему мужчина, и лось послушно развернулся и потопал обратно в лес. Его хозяин грустно чему-то улыбнулся, глядя вслед. Потом вдруг спохватился и одернул себя.

– В общем, город – там, – махнул он мне рукой. – А я пошел.

Глава 2. "Шмелиный зад"

– Э-э! – я спохватилась и помчалась за ним. – Ты куда? Я с тобой! Ты же обещал.

– М-м-м, – простонал он, с усилием проводя ладонями по волосам, будто стягивая с головы тесный шлем или головную боль, но прогонять меня не стал.

– Пароль! – неожиданно потребовал от нас ближайший куст. Я аж подскочила, тут же запутавшись в плаще и едва не свалившись.

– Хидар, щас по роже получишь, – даже не притормозив возле разговорчивого кустика, сердито сказал Кречет и прошел мимо. Я, вжав голову в плечи, потрусила следом. Под ногами у нас, откуда ни возьмись, появилась добротнo утоптанная тропинка.

– А че сразу по роже? – обиженно донеслось нам вслед. – Айша велела у всех пароль спрашивать, я-то тут причем? Вечно, что ни скажи, сразу: по роже, по роже! Сами напридумывают всяких паролей, а Хидар крайний. На Хидара плевать. Хидар же не ответит, Хидар же...

Куст еще что-то бормотал, но Кречет не снизошел до ответа: похоже, он считал, что не относится к тем самым «всем». Мы уходили все дальше по тропинке, а куст продолжал брюзжать все громче и тоскливее, видно, надеясь, что мы вернемся и таки пожалеем страдальца.

– Вытирайте ноги, берегите голову, – с язвительной ухмылкой продекламировал Кречет, жестом дворецкого открывая передо мной качественно замаскированную мхом дверь в... башню. Чертову огромную каменную башню посреди леса!

И как все это время я могла не замечать такое чудовищно большое строение? Оно восстало передо мной словно по волшебству, и теперь радостно вытягивало воздух в открытую пасть двери.

Внутри было темно и подозрительно безлюдно. Я осторожно наклонилась вперед, пытаюсь понять, есть там кто-нибудь или нет. Сквозняк ухватил выбившиеся из хвоста волосы и стал засасывать внутрь. Кречет вздохнул, закатив глаза к небу, и заявил:

– Поздно уже ломаться, красавица. «Шмелиный зад» ждет тебя. Проходи, не стесняйся.

С такими словами он шлепнул меня по оттопыренной попе. Этого было достаточно, чтобы лишить уставшую девушку равновесия. Неуклюже замахав руками, я полетела вперед, поминая всю родню эльфа до десятого колена недобрым словом. Сделала несколько шагов и затормозила посреди большого круглого помещения с низким потолком.

Дверь за моей спиной лязгнула с неприятным железным призвуком – будто в проржавевшем бункере – и вокруг разлилась тьма и тишина. Сразу стало сыро и страшно. Справа что-то зашуршало, слева кто-то откашлялся. Да, я в заднице.

«Шмелиной».

– Любовь заказывали? – вальяжно спросил мой проводник и пошел куда-то в сторону.

– Эй! – возмущенно окликнула я его смутный серый силуэт. – Я не такая!

Еще не хватало, чтоб меня и другие приняли за девицу легкого поведения. Кстати, а кто эти другие?

– Кречет, ты что, невесту привел? – раздалось где-то впереди. – Нет, я всегда знала, что ты не спец по женщинам, но чтоб заказывать...

Голос был странный: таким голосом мужчины обычно пародируют женщин. После этой фразы тишина вокруг ожила, отовсюду донеслись смешки.

– Иди к черту, Айша. Дай-ка лучше пивка холодненького, – беззлобно проворчал эльф, примостившийся за каким-то столом. Или это барная стойка?

Я проморгалась и попыталась разглядеть хоть что-нибудь. После яркого солнца перед глазами у меня плавали зеленые пятна.

Помещение оказалось круглым обеденным залом. Прямо передо мной располагалась барная стойка, вырезанная не иначе, как из цельного дуба, поваленного на бок. За ней была небольшая кухня под витком огромной лестницы, а вдоль стен стояли грубо сколоченные столы и лавки. Окон здесь не было, и свет исходил только от оплывших свечей, стоявших на каждом столе. Огоньки подрагивали и зловеще отража-

лись в нескольких парах глаз, устремленных на меня.

– Здравсьте, – неловко поздоровалась я, толком не зная, к кому обращаюсь. Неприятные, насмешливые взгляды еще немного побуравили меня, а потом один за другим вернулись к своим делам. Вокруг тихонько загудели прерванные моим явлением разговоры.

– И кто это у нас? – снова раздался странный голос. Я обернулась на звук и встретила взглядом с барменом. Или... барменшей?

Существо, стоявшее за стойкой, было крупным и несимпатичным. Широкие плечи и крепкие, мозолистые руки намекали, что их хозяин – мужчина. А вот грудь и тонна косметики на лице – напротив, всячески убеждали меня, что их хозяйка – женщина. Вот ведь не повезло со внешностью.

– Ой, какая очаровашка, – она всплеснула руками и умиленно сложила бровки «домиком». – Тебя как звать, душечка?

– Ее зовут Любовь, – отозвался вместо меня Кречет. – В лесу подобрал. Говорит, пала жертвой колдовства фей. Низко пала. И прямо мне на голову.

– Обалдительно! – барменша подскочила на полметра, радостно бухнув сапожищами при приземлении, так что и меня подбросило вибрацией потревоженных половиц. Мужеподобная дама быстренько обежала стойку и стиснула меня в объятиях до хруста в костях.

С одной стороны, выдался удачный случай определить,

правда ли она дама, а с другой стороны, все, о чем я в тот момент думала, был глоток свежего воздуха, в котором отчаянно нуждались мои сплюсненные легкие.

– Айша, ты бы ее одела для начала, а потом уже лапала, – посоветовал Кречет.

– А что, она на тебя голенькая свалилась? – умилилась барменша. – Ути-пути. Хи-хи!

Это «хи-хи» было просто убийственным. Никогда не видели, как жутко разодетое оно говорит «хи-хи» с пошленькой такой интонацией и при этом делает «козу рогатую» с целью пощекотать вам животик? Нет? А я вот видела. Брррр!

Но это было не самое худшее. Оказывается, «коза рогатая» вовсе не собиралась щекотать мне животик: она нагло распахнула плащ Кречета и, оглушив меня почти мужским: «Елки зеленые!» торопливо запахнула обратно.

Обитатели столовой тут же снова с интересом принялись на нас пялиться. Стулья со скрипом развернулись в мою сторону. Я густо покраснела и мысленно в сотый раз прокляла фею за буквальную трактовку моих желаний.

– Мирин! – барменша запрокинула голову и гаркнула своим странным голосом так, что каменные стены содрогнулись. – Мирин, ты дома?

– Да, Ишечка, мое солнышко! – едва слышно отозвался сверху переливистый девичий голосок. – Что-то случилось?

– Ничего, радость моя! – тут же разулыбалось «оно», приложив к губам рупор из ладоней и сотрясая своим голосом

всю башню. – У тебя не найдется лишнего платица? Надо кое-кого переодеть. Тут та-а-акая куколка!

По лестнице часто-часто застучали каблучки, и в зал су-етливым вихрем ворвалась рыжая девица. Ее лихо закрученные волосы напоминали беличьи ушки, торчащие из кудрявого венка. Одета она была в длинное зеленое платье с юбкой-колокольчиком и чистый белый передник. Вздернутый носик и пушистые щеки, усыпанные веснушками так, что даже при свечном освещении было заметно, были такими маленькими и аккуратными, словно принадлежали ребенку.

– Ой! – девица всплеснула руками, умиленно склонив головку. – Новенькая! Ура! Ты контрабандистка или убийца?

– Дура она, – буркнул Кречет от стойки, отрекомендовав меня лучшим образом. И ведь даже не поспоришь.

Я неловко переступила с ноги на ногу, не зная, что ответить. Во попала...

– Мирин, солнышко, – засюсюкала Айша своим зычным голосом. – Ты не поверишь, но она под этим плащом совершенно голенькая!

Они обе захихикали в кулачки, переглянувшись.

– Неправда! – я нашла-таки в себе силы возмутиться. – Мне просто платье мало. Это все фея!

– Фея?! – рыженькая вытаращила свои и без того огромные глазищи. – Что, правда? Настоящая? А не врешь? И что ты ей загадала?

Я задумалась. А правда? Что ж я у нее попросила, кроме

платья? Чтоб все как в книжках? Довольно расплывчатое желание. Учитывая, какое мне досталось платье, перспективка складывалась вовсе не радужная.

– Эм... чтоб все как в сказке, – пробормотала я.

– Что, так и сказала? – ужаснулась девушка. – Фея же, наверное, такого наворотила...

– Угу, – кисло кивнула я.

Похоже, фейские выходки тут были всем известны. Может, стоит обратиться к еще какой-нибудь фее, чтобы вернула все, как было? Но десять лет жизни... Да и вдруг намагичит еще хуже, чем сейчас.

– Ой, а покажи контракт! – зачирикала Мирин. – Никогда не видела.

– Я тоже его не видела, – ответила я.

– Чего? – брови девушки удивленно поползли вверх. – Так не бывает. К исполненному желанию непременно контракт прилагается. С оговоренным сроком выплаты лет и дословной записью желания.

Айша согласно закивала.

– Ээ... Она сказала, крестникам бесплатно, – пробормотала я. – А желание... Думаю, фея сама его за меня сформулировала.

– Да ты что? – хором сказали Айша и Мирин, резко подавшись ко мне. Я отшатнулась. Полы плаща разошлись, открывая голые ноги.

– Ой, – Мирин порозовела и прикрыла глаза ладошкой.

Поглядывая между пальцев, впрочем. –И правда голенькая. Пойдем-ка тебя оденем.

– Я не голая! – в очередной раз бессмысленно отмахнувшись от этого заявления, я поспешила за девушкой, уже тянувшей меня вверх по лестнице. Народ проводил нас любопытными взглядами, Айша послала воздушный поцелуй. Кречет же даже не оглянулся.

Меня затащили на второй этаж, в относительно светлую, явно девчачью комнату. Не теряя времени даром, Мирин ухватила первое попавшееся платье (коих тут в полном беспорядке валялось великое множество) и приложила к моей груди. Нахмурила брови, отбросила его в сторону и полезла в шкаф за другим. Потянула за какую-то тряпку, шкаф подозрительно покачнулся, не желая отдавать плотно упакованную добычу. Девушка упрямо уперлась в него ногой и дернула посильнее.

Пару секунд ничего не происходило, а затем вещи неожиданно вылетели из шкафа все разом, и ее накрыло с головой.

– Ой, да не нужно так беспокоиться, – вяло попыталась я ее притормозить. – Мне все равно, что надеть. Лишь бы за человека сойти.

– А ты что, еще и не человек? – рыжая голова заинтересованно высунулась из кучи.

– Человек-человек, не беспокойся, – заверила я ее. Но,

похоже, девушка предпочла бы другой ответ.

Впрочем, ее разочарование длилось недолго. До ближайшего розового кома в рюшечки, который, к счастью, оказался мне мал.

– Слушай, Мирин, а ничего, что я вот так... без предупреждения... – я замялась, не зная, как подступиться к вопросу оплаты.

– Ой, что ты! – тут же вдвое веселее застрекотала девушка. – Да я так рада, что у нас пополнение! Тут же одни мужики. За-ну-ды. А еще грязнули и грубияны. Ни поболтать, ни пошушукать, ни посекретничать. Я уже молчу о сплетнях.

Она подалась ко мне и зашептала:

– Вчера племянник королевы одной кокотке тайное предложение сделал, а мне и рассказать некому! Док пьян в стельку, Волдырь только с рубанком разговаривает, Кречет так посмотрел, что страшно стало, а Вилард все равно и так все знает. Разве только Хидару рассказать. Но он такой нытик! Опять заведет свое: «Ну во-о-от, всем богатство, любовь, удачу, а мне – ничего!». Одна Айша всегда новостям радуется.

Девушка надула губки, одновременно прикладывая ко мне черный, явно траурный, наряд.

– Мирин, а можно нескромный вопрос? – спросила я.

– Да, – тут же оживилась девушка. – Конечно.

– Что это за место? – понизив голос, поинтересовалась я.

– Шутишь? – девушка широко раскрыла глаза. – Это

«Шмелиный зад» – самый известный (и последний) притон в королевстве!

– П-притон? – у меня похолодели губы, хотя давно уже могла догадаться, в чем тут дело. Или это все-таки характеристика качества местного обслуживания?

– Ну да, – Мирин беспечно пожала плечами. – Ну, или бандитское логово. Называй, как хочешь. Пристанище воров, убийц, контрабандистов, шпионов...

– С-спасибо, можешь не продолжать, – перебила я. – Только вот тут такое дело... Я не... э-э... В общем, я обычная... Как бы это сказать... Ну, не такая... как...

– Ой, да брось, – девушка отмахнулась от меня шелковым шарфом и заговорщически подмигнула. – Подумаешь, древняя профессия. Покажи-ка мне хоть одну истинную леди, да чтобы без греха. Днем с огнем не сыщешь. Вот как раз на днях жена главного повара тако-о-ое устроила! Ой, я это тебе лучше попозже расскажу, длинная история.

– Нет, ну правда, – я попыталась снова оправдаться. – Я вовсе не «ночная бабочка». Эта фея...

– Да! Фея же! – девушка аж подпрыгнула. – Где ты ее нашла? Про них столько слухов ходит, а я до сих пор ни одной не встретила. Это же такая редкость.

– Я ее не искала, она сама ко мне явилась, – пояснила я, жестом отказываясь от платья в черно-белую полосочку. – Сказала, что она моя крестная...

– Вот! – снова перебила Мирин. – Еще и крестная! Везет

же некоторым. У-и-и-и-и!

Девушка в приступе восторга радостно затрясла головой и затопала ногами.

– Я так и представляю, сколько будет горячих сплетен: падшая женщина возносится к вершинам! Небывалая история! – зачастила она.

– Но я такого не хочу!

– Зато я хочу! – девушка снова запрыгала от счастья – на этот раз по кругу, как зайчик, водящий хоровод вокруг елочки. А в роли дерева была я. – Всегда мечтала оказаться в центре чего-нибудь эдакого, и вот сбылось. И-эх! Мы с тобой теперь такого наворотим!

– А может, не надо, – я попыталась защититься и от предложения, и от нового наряда, надвигаемого мне на голову.

– Точно, – спохватилась девушка. – Сначала надо выковырять тебя из этого странного белья.

– Это не белье, это платье, – в очередной раз попыталась я защитить хоть кусочек своей чести. – Просто детское.

– Ой, ну какая разница. – Мирин принялась тянуть вверх за воздушную розовую юбочку.

Ответить я не смогла: слишком узкий костюмчик плотно спеленал мне задранные вверх руки и заткнул рот, а затем намертво застрял. Мирин принялась дергать его туда-сюда, стремясь если и не снять, то хотя бы разорвать, но синтетика держалась до последнего.

– Точно! – девушка неожиданно прекратила попытки, по-

раженная какой-то новой мыслью. – Я только сейчас сообразила. Кречет же сказал, ты на него свалилась. Вот прямо так, в этом своем нарядике! Уау... Вот это новость...

Девушка замерла с мечтательным выражением лица. Я, спеленатая в смирительную рубашку по самые глаза, печально замычала, будучи не в силах возразить.

– Любовь, – девушка картинно прикрыла глаза ладонью, словно бы декламируя театральный текст. – Любовь упала ему прямо в руки. Полуобнаженная, беззащитная... Ах...

Она изобразила падение. Я замычала еще печальнее.

– Наш бедный, робкий юноша, – она патетически вознесла ладони к небесам. – Он же всегда был так скромн и застенчив. Но стремительный ураган чувств разорвал оковы многолетнего воздержания и унес их обоих в пучину страсти.

В моем мычании проявились страдальческие нотки. Какой юноша? Какие страсти?

– Не нужно, дорогая, – сочувственно погладила она меня по макушке. – Не нужно этого стесняться. Со всеми бывает.

Тут в ее голове что-то щелкнуло. Мирин задумалась, полминуты покусав ноготь на большом пальце, а затем затрещала уже обычным манером:

– Но знаешь, от Кречета я такого не ожидала. Он же всегда весь из себя правильный, недоступный и вообще тот еще зануда, а тут такое непотребство. В лесу, прямо на еловом ковре, на виду у всех этих бедных, невинных зверюшек... Так дико, варварски овладеть нежной, пусть и падшей, но

все равно чистой, словно ангел, девушкой... Ах... Говорят же, в тихом омуте черти водятся.

М-да. Фантазии Мирин не занимать. Перо ей в руки...

Я попыталась разорвать платье самостоятельно. Треск швов прозвучал обнадеживающе.

– С другой стороны, – спохватившись, девушка принялась снова мне помогать, – хорошо, что ты не свалилась на Вилларда. Он, конечно, красавчик хоть куда, но знаешь, у него такие замашки... После ночи с ним попа бы у тебя горела еще пару дней.

Она многозначительно поиграла бровями. Так, все, хватит.

Я, поднатужившись, резко дернула локтями, и шов наконец лопнул. Набрав побольше воздуха, чтобы одним махом опровергнуть всю эту чепуху, я попыталась заговорить, но была перебита неожиданным возгласом:

– Ой, а что это из тебя выпало?

После такой фразы как-то не хочется проверять, что именно выпало, но я все же посмотрела вниз. Ничего ужасного, просто листок бумаги. Фьюх, отлегло...

– Девочки, вы там еще долго? – раздался «нежный» голосок Айши, потрясший стены. – Я вам тут яишенку забабахала. Так что спускайтесь, кормить буду!

«Забабахала». В исполнении многоуважаемой Айши подобное заявление прозвучало как-то угрожающе. Меня даже передернуло.

– Слушай, – я замялась, не зная, как бы покоректнее составить вопрос. – А хозяйка, она... точно женщина?

– Тихо ты! – Мирин тут же прыгнула на меня и зажала мне рот ладонью. – С ума сошла? Айша услышит – взбесится! Она знает, как не любит, когда ей такое говорят? И ладно еще, если Айша тебя отделает. А вот если ее отец... У-у-у...

– А кто ее отец? – осторожно поинтересовалась я.

Мирин заговорщически подмигнула и поманила меня пальцем. Я наклонилась, и жаркий шепот девушки защеко-тал мне ухо:

– Айша – дочь главаря банды из Волчьего леса. Ну, знаешь, той самой, что уже полвека держит в страхе всех купцов? Раньше Айша вместе с отцом разбойничала. Но потом... Короче, как-то раз она сказала отцу, что ей надоело мечом махать и она хочет жить, как все нормальные девушки, в своем доме, и ждать, когда к ней придет ее Великая Любовь на белом коне. Тогда-то она и открыла этот притон. А народ набрался сам собой.

Она широко улыбнулась, похоже, намекая и на себя тоже. А затем продолжила:

– Вот Кречет, например, браконьер, лучший в своем деле. Может поймать любую тварь, где бы она ни водилась. Айша занимается скупкой краденого. У нее можно достать, что угодно. Док лечит всех, кто платит, приторговывает ядами и зельями. Валдар, что у входа сидел – наемник: прибьет, кого хочешь, только заплати. Хидар, его брат, может, и не

наемник, но тоже за деньги на многое готов. Виллард – наш красавчик-болтун – может достать любую информацию и выкрасть что угодно. Ну и так, захаживают еще разные личности.

– А ты? – осторожно уточнила я, влезая в куда более свободное платье, предоставленное мне девушкой. Оно было гораздо приятнее предыдущих вариантов.

Еще в комплект к платью мне достались панталоны с – фи-фи – разрезом посередине, в функции которого сомневаться не приходилось, вязаные чулки и мягкие кожаные туфли.

Последние, в отличие от платья, чья презентабельность зависела от фигуры и нижних юбок, выглядели ужасно бесформенными. Да-да, мы помним про дареных коней. И про ужасное состояние наших ног после пробежки по лесу.

– А я слухач, – гордо подбоченилась Мирин. – Выискиваю информацию и берегу всю эту шайку-лейку от облав. Ну, и от их собственной дурости, когда нужно. Так что, ты уж извини, но должна тебя предупредить: если я узнаю, что ты про нас кому-нибудь что-нибудь сболтнула, то...

Она красноречиво провела по шее пальцем и свистнула щербинкой меж верхних зубов. Я сглотнула.

– О, как раз! – обрадовалась девушка, посмотрев, как село на мне платье. – Только корсетик нужно потуже затянуть, так поблагороднее будет. Ты уж мне поверь: я в дворцовой моде разбираюсь. Как-никак, при дворе служу.

Она снова гордо вздернула подбородок.

– При королевском? – зачем-то уточнила я.

– Ну да, – улыбнулась Мирин. – Горничной. А ты думала, информация из воздуха берется?

– Да я вообще-то... – замялась я, не зная, что вообще на такое отвечать. Ох, блин, влипла... Сплошные уголовники, а я... я... Ё-мое, ну и репутация же у меня будет после всего этого...

– Да ты не пугайся, – рассмеялась девушка, заметив мой пришибленный вид. – Тут все хорошие люди, правда-правда! Просто профессия такая. Я вот горничная, а кто-то пыточник. Не всем же принцами быть, кто-то должен и грязную работу делать. Держи.

Она подала мне выпавшую бумажку.

– Это не мое, – тут же отстранилась я. – Мне это подсунули.

Мирин прыснула.

– Ты чего как в допросной? – она смело развернула листок. – О, а вот и фейский контракт!

Я тут же вырвала у нее листок, быстро развернула и впилась взглядом.

– Ну, что там? Что там? – Мирин аж подпрыгивала от нетерпения, нисколько не сомневаясь, что с ней поделится информацией. Мне и самой было интересно. Очень интересно. Жуть, как интересно. И «жуть» тут – главное слово. Чего там напридумывала эта сумасшедшая феиха?

– «Контракт на желание», – прочитала я витиеватое назва-

ние, выведенное фиолетовыми чернилами. – «Сие желание даруется крестнице моей, Любви Саушкиной, во исполнение пятнадцатилетнего обязательства и от всей души».

– Ну, дальше-дальше, – поторопила меня Мирин, приплясывая рядом от нетерпения. – Это все мура, пропускай. Самое главное там, где в стихах.

Я пробежала глазами строчки с нудятиной, вышедшей из-под пера местных нотариусов, и нашла такое четверостишие:

Люблю я крестницу свою.

Кусочек счастья ей дарю.

Пускай ей крупно повезет:

Пусть принца своего найдет.

Под этим бездарным сочинением стояла размашистая подпись – похоже, сделанная кровью – и сургучная печать с изображением биты, звездочек и птичек, летающих по кругу.

– Ой, какая прелесть! – Мирин подхватила лист и закружилась с ним по комнате. – Это же настоящее заклинание феи! Первый раз вижу. Восторг! Прелесть-прелесть-прелесть!

Она запрыгала по комнате, повизгивая от радости. Потом вспомнила про меня:

– Пошли скорее вниз, – сказала Мирин, дернув меня за руку так, что кости чуть не вылетели из суставов. – Надо показать Айше. Давай-давай!

И мы полетели вниз. Я кое-как перебирала ногами: лесенка была довольно крутой, и мне не хотелось расстаться с

жизнью методом переломанной шеи. На последней ступеньке все-таки споткнулась и полетела вперед – прямо в объятия шкафоподобного человека.

Тот, в отличие от Кречета, ловить «падшую» женщину не стал, так что я врезалась ему в живот, отскочила и уселась на задницу. Темные, налитые кровью глаза размером с блюдца сурово прищурились, закрипели зубы, и туша двинулась на меня.

– Любовь, чего сидишь, отойди, Волдырь пива хочет, – прочирикала мне Мирин.

Я тут же подорвалась и послушно отскочила в сторону. Человек-шкаф величественно прошествовал к стойке, бухнул на нее пустую кружку размером с бочонок и забрал другую – такую же, но полную.

– Изв-вините, – покаялась я, но представленный мне Волдырь не обратил на случайную помеху никакого внимания.

– Айша, ты щас умрешь! – Мирин тут же атаковала освободившуюся барную стойку, грозно размахнувшись и припечатав к ней лист бумаги. – Она и правда крестница феи!

И Мирин ткнула в меня пальцем, едва не попав в глаз. Постояльцы тут же закрипели стульями, разворачивая к нам свои жуткие физиономии. Я почувствовала себя товаром на прилавке купца.

– Да ну? – у Айши из рук выпала и загрохотала по полу кружка Волдыря.

– Да! – радостно подскочила Мирин, растянула листок

на манер скрученных грамот для глашатаев, откашлялась и звонким голосом зачитала феину писанину всем интересующимся.

Народ, как и ожидалось, беззастенчиво заржал, но это лишь усилило пыл обеих девушек (так уж и быть, припишем барменшу к женскому племени).

– Прелесть! – жутковатым хором откликнулись обе дамы, как только декламация закончилась, и закружились по комнате, радостно визжа и заставляя стулья ходить ходуном по вибрирующим половицам.

Постояльцы привычно уворачивались и берегли свою посуду. Но хуже всего было то, что, закончив свой танец, дамы налетели на меня, усадили и принялись трещать над головой, не давая опомниться:

– Завтра же! – грохнула Айша.

– Да, завтра! – пискнула Мирин.

– Что завтра? – я подобралась, словно в ожидании удара.

– Завтра мы организуем тебе встречу с принцем!

– Чего?!

Ну все. Начинается.

Глава 3. Про первый блин и прочие неприятности

Ночью я решила бежать. Нет, ну правда, не оставаться же среди этих бандюков? Сегодня они ко мне добры, а завтра горло перережут.

В общем, едва только в башне стихли последние звуки, как я осторожно выскользнула из своей комнаты и на цыпочках принялась красться вниз по лестнице. Кожаные туфли были мягкими, и ступали беззвучно, а вот рассохшаяся от старости лестница уже на первой ступеньке выдала оглушительный скрип.

Я замерла и вжала голову в плечи. Однако, ничего не произошло. Простояв так минуту, я услышала лишь невнятный шорох – как будто птица снаружи пролетела. Я выдохнула и вытянула ногу к следующей ступеньке.

- Уииик! – подло скрипнула та. Ё! Ненавижу деревянные лестницы!

Я опять вжала голову в плечи и замерла. Но нет, и в этот раз пронесло. Я сделала еще один шаг.

- Уииизэк! – скрипнула и треснула под ногой третья ступенька. Да бляха муха, что ж это такое! Вы про ремонт когда-нибудь слышали, господа бандюки?

Собрав всю волю в кулак, а длинную юбку – в комок под

грудью, я глубоко вдохнула и быстро-быстро пробежала вниз по лестнице.

- Уик-э-уик-хр-уик-кытс-уик-уик-уик... - отозвалась лестница целой серенадой.

- Бах! – а вот это уже резко открывшаяся дверь треснула меня в лоб.

- Уй-ё! – завершила я выступление, плюхнувшись на попу и схватившись за ушибленное место.

- Люба, ты за водой? – зевнув, спросила меня сонная Мирин, потирая глаз кулачком. – Мне тоже принеси.

- Д-да, конечно, - ответила я под аккомпанемент бешено колотящегося сердца. – Сейчас принесу.

Тихариться дальше не имело смысла. Мысленно выругавшись, я спустилась в кухню, откинула шторку и замерла.

Во мраке ночи на меня сверкнули чьи-то глаза. Темный силуэт был огромным, в руке его блестел под лунным светом мясной тесак.

- Мамочки! – пискнула я и поняла, что водичка сейчас потечет из меня самой вполне естественным образом. А то и не только водичка.

- На мою! Кухню! Без! Разрешения?! – обрушился на меня чудовищный голос, и тесак сверкнул в замахе.

- Я случайно! Только за водичкой! – пискнула я.

- А, ну ладно, - неожиданно пошел на попятный монстр. Бахнул тесак в стену, звякнул чем-то стекляннм. Зажурчала вода, и в мою дрожащую ладонь ткнулся стакан.

- Держи, зайка, - нежно проворковало чудовище громоподобным голосом Айши. – Сладких тебе снов, красавица.

- С-спасибо! – я торопливо, спиной вперед покинула кухню. А затем, трясаясь от пережитого страха, метнулась обратно на лестницу. Наступила на подол, споткнулась и полетела.

- Осторожнее, - меня схватили за руку. Да так, что из стакана, зажатого в ней, почти ничего не пролилось. – Проводить тебя до комнаты?

Крепкая мужская рука зашарила по моей талии. По шее прокатилось горячее дыхание.

- Нет, спасибо, я сама! – пискнула я, подхватила юбки и снова рванулась вверх. Насильник почему-то не стал меня преследовать, но обрадоваться этому я не успела.

- Бах! – проклятая дверь повторно отметилась на моем лбу, теперь уже торцом, а не плоскостью.

- Ай! – взвизгнула я: голову как будто рассекло надвое. Да что ж это такое?

- О, спасибо! – радостно прочирикала Мирин, взяла у меня стакан и скрылась у себя, захлопнув дверь.

«ААААААА!» - мысленно высказалась я, но вслух не произнесла ни звука, чтобы не нарваться еще на кого-нибудь, подхватила юбки и помчалась в свою комнату. Юркнула в дверь, придвинула к ней тумбочку, стул, вешалку, а потом залезла под кровать.

Под кроватью меня, наконец, отпустило. Так. Дыши, Люба. Все хорошо. И не в такой ситуации бывали. Хотя, о чем

это я? Да я первый раз в бандитском логове!

Спокойно, Люба. Дышим, думаем. Если лестница скрипит, пройти по ней нет никакой возможности. Но меня поселили не так уж высоко, можно попытаться пройти другим путем. В конце концов, на кровати есть простыня, на одеяле – пододеяльник. Это как минимум три метра веревки. Плюс еще пара нижних юбок – это еще метр с учетом узлов. Съемный лиф еще можно туда же пустить, но на самый низ: если вдруг рукава все-таки оторвутся, лететь уже невысоко.

Ну вот, это уже отличный план. Четыре-пять метров веревки позволят мне бесшумно спуститься вниз через окно. Хотя, нет: около метра уйдет на узел. Ну, все равно, трех метров мне хватит, чтобы не убиться. Главное – никого не разбудить своим писком, если вдруг сорвусь или придется все-таки прыгать.

Решившись, я приступила к делу. Стянув постельное белье, нижние юбки и съемный лиф, я соорудила из них вполне надежную веревку. Обмотала ею ножку кровати, перекрестилась и ступила на подоконник.

Подо мной была тьма. Прохладный ветерок пробежался по голым плечам: под лифом у меня был только корсет с небольшими лялочками и вид, наверное, был не очень. Ну да кому какое дело? Главное – на дорогу выбраться, к людям. А там брошусь на шею мужику понормальнее и начну причитывать, что на меня напали разбойники и хотели обесчестить. Отсутствие части одежды станет только доказательством. Да

и вообще, где здесь хоть слово неправды? Ну, кроме того факта, что к разбойникам я заявила сама, по собственной глупости.

Пожелав себе ни пуха ни пера, я принялась спускаться. Это оказалось сложнее, чем я думала: пальцы неприятно скользили по импровизированной веревке, ноги то и дело теряли опору. Последние метры я не столько спускалась, сколько отчаянно пыталась затормозить. Но руки горели от скользящей под ними ткани.

В самом финале, как и ожидалось, лиф не выдержал. Раздался треск, рукав оторвался, и я полетела попой вниз. Ну все, сейчас треснись копчиком, и позвоночник рассыплется, как детская пирамидка...

Эмм... Что, уже все?

К моему огромному облегчению, веревка доставала почти до земли, и я больше перепугалась, чем треснулась. Потерев отшибленный копчик, я торопливо отвязала лиф, коль скоро он оказался в зоне доступа, и надела его обратно. С оторванным рукавом он наверняка будет смотреться еще более достоверно.

Кивнув своим мыслям, я смело устремилась во тьму, вытянув вперед руки.

Ай! – ветка хлестнула по глазам.

Ё! – еще одна.

Да чтоб тебя! – ночная птица выпорхнула прямо мне в лицо.

Так, ну ладно, пойду помедленнее, пожалуй. Куда мне торопиться? Вся ночь впереди. Главное, что со двора я уже ушла. Только потише надо быть, пожалуй.

Я принялась красться осторожнее. Сердце частило в груди, как бешеное. Щеки горели, а спину как будто жег чужой взгляд. Но я не стала оглядываться на жутковатую башню. Главное - поскорее уйти подальше, а там...

«А там же Лихолом, - вдруг вспомнилось мне. – Огромные змеи, муравьи, осы-плевательницы и прочая дичь. Куда идти-то?»

Я попыталась вспомнить, в каком направлении было мое окно, вход в башню, и с какой стороны я сюда пришла. Мысленно выстроила карту и прикинула, где тот самый город. Выходило, что я иду не совсем туда, куда надо. Точнее, в совершенно противоположную сторону.

Мысленно себя обругав, я развернулась и... вцепилась в мужскую грудь.

- Туалет в другой стороне, - спокойно ответил Кречет, двумя пальцами презрительно взяв меня за плечо и отодвинув от себя.

- Ты что, следил за мной? – с испугу выдала я то, что первым пришло в голову.

- Знаешь, когда человек среди ночи покидает твой дом через окно с помощью самодельной веревки, это, мягко говоря, вызывает подозрения, - спокойно ответил он. - Так что ты сперла?

- Ничего я у вас не брала! – возмутилась я. – Я не такая!

- Ну да, не такая она, - хмыкнул Кречет, а затем резко прижался ко мне и начал... лапать!

- Пусти, извращенец! – завопила я, отбиваясь от цепких рук, что бесцеремонно залезли сначала под корсет, а затем и под юбку.

- Заткнись, - прошипел он, действуя все более грубо.

- Я буду кричать! – пригрозила я, безнадежно пытаюсь вырваться, но этот маньяк был сильнее!

- Кричи, - разрешил он, но вдруг отпустил меня и брезгливо встряхнул руками. – Так, под одеждой ничего не припрятано. Значит, сперла что-то нематериальное. Информацию? Хочешь сдать нас властям?

- Чего? – растерялась, а потом и испугалась я: он же меня теперь не изнасиловал, а просто убьет! – Нет! Я просто сбежать хотела!

- Хм, - он склонил голову. – Ты ж сама к нам рвалась.

- Я тогда не знала, что вы бандюки, - возразила я и вдруг неожиданно для себя самой всхлипнула. Ну все, кончилась моя жизнь. Теперь уже бесповоротно. Доказать свои слова мне нечем. Верить на слово они явно не будут. Меня просто прибьют и прикопают прямо тут, без суда и следствия. Может, еще и надругаются.

Я всхлипнула еще раз. И еще. И вдруг как разревелась! В голос, на весь лес, со вздрагиваниями, слезами в три ручья, соплями, судорожными вздохами и подвываниями:

- Почему, ну почему? Так нечестно! Чем я это заслужила? Никого не трогала, никому зла не желала! Почему все люди как люди, а у меня все через пятую точку?

- Тихо ты, - смутился эльф. - Люди спать собираются.

- Они – спать, а меня – у-у-у-бива-а-ать... - я окончательно потеряла способность говорить и просто заголосила в полный голос. Все, терять нечего больше. Ни квартиры, ни сбережений, ни родни, ни друзей, ни чести, ни будущего.

Хрясь! – я дернулась от звонкой пощечины. Хрясь! – дернулась в другую сторону.

- Т-ты чего? – я схватилась за вспыхнувшие щеки.

- Не люблю истеричек, - Кречет сплюнул и пошел обратно в сторону дома.

- Эй, ты разве не будешь меня убивать? – окликнула я его, торопливо утирая сопли оторванным рукавом.

- В следующий раз, - буркнул Кречет, растворяясь во тьме.

Я шмыгнула и остаточко всхлипнула. Убийство и надругание отменяются? Мне можно идти? Правда?

Я снова развернулась к лесу. Но после двух пощечин и эмоциональной встряски моя радужная идея уйти из относительно спокойного дома во тьму кишашего хищниками леса показалась мне уже не такой привлекательной.

Я сделала сначала один шажочек в сторону башни, затем другой... Вздохнула и поплелась в свою комнату.

К утру я смирилась с неизбежным, и когда Мирин и Айша

утянули меня готовиться к охоте на принца, я уже не сопротивлялась. Ну, почти.

- А может, это просто метафора такая? – без особой надежды на успех попыталась я вклиниться в безумие, царящее вокруг.

Айша грозным тоном инструктировала банду уголовников. Валдар (он же Волдырь) с утробным «Хха!» наносил воображаемому противнику удары (почему-то мясным тесаком). Мирин делала мне макияж (с подозрительно белой пудрой и накладными бородавками – ой, простите, родинками). Хидар ныл, что не хочет быть задницей оленя. А опухший и заспанный Док мазал дротики какой-то дрянью.

И только Кречет молча цедил кружку пива и взирал на всех нас с высоты барной стойки, мрачный и невыспавшийся.

- Метачего? – не поняла Мирин. – Заклинание, что ли?

- Нет, я имею в виду переносный смысл, - пояснила я, морщась от впившихся в задницу панталон. – Ну вот смотри, тут сказано: «Пусть принца своего найдет». Может, «принц» - это самый обычный человек? Просто для меня он будет... ну, как принц, понимаешь? Принц моего сердца. И мне его нужно найти, а не это вот все.

Я обвела рукой местный филиал дурдома, одновременно пытаюсь незаметно одернуть панталоны сквозь толщу верхних юбок.

- Ой, Люба, не выдумывай, - Мирин даже не стала слу-

шать, так щедро обдав меня пудрой, что я чихнула. – В подобных делах феи прямолинейны до невозможности. Сказано – «принца», значит – принца. Настоящего, голубых кровей. Чтобы и отец его был королем, и отец его отца, и отец отца его отца, и... Ну, ты поняла. А неженатый принц у нас тут только один имеется. За другим тебе придется плыть на другой континент. Зачем бы фее все так усложнять? Она наверняка специально тебя сюда подкинула – поближе к нам с Айшей. Кто бы еще мог тебе так помочь, как не мы?

- Да уж, - пробормотала я. Если с Мирин мне еще как-то удавалось поспорить, то критиковать Айшу не было никакого желания: убьет же.

- Мальчики, повторим все сначала, - хлопнув в ладоши, зычно сказала хозяйка.

«Мальчики» глумливо заржали: им нравилась предстоящая операция. Она хоть и не сулила никаких денег, зато обещала нехилое комедийное зрелище. Со мной в главной роли. Нет, ну правда, актрисам за такое хотя бы платят...

- Итак, сегодня в час орла Его высочество изволят посетить соседний лес на предмет еженедельной охоты. А там их уже будем поджидать мы, - Айша демонстративно потерла руки. - Как только процессия рассредоточится, Виллард и Хидар, переодетые в шкуру оленя, покажутся из северной прогалины.

- Я не хочу быть задницей, - снова заныл Хидар.

- Цыц, - скомандовал ему Виллард – темно-русый кудряш

в щегольском костюме. Хидар хныкнул и занял на порядок тише, чтобы обществу было удобнее его игнорировать.

- Потрещите ветками как следует, - посоветовала им Айша, - чтобы привлечь внимание принца.

- Есть! – Виллард щелкнул каблуками.

- Дальше, - Айша повернулась к «уголовникам», - появляется банда головорезов и имитирует ограбление. Ваша задача – отрезать принца от его охраны. Охрану по возможности увести подальше.

- Простите, многоуважаемая хозяйка, - один из «головорезов» поднял руку, - а разве охрана не должна всюду следовать за принцем?

- Не-а, - вместо Айши ответила Мирин, беспечно потряхнув рыжими «ушками». – По уставу королевского двора в случае неожиданного нападения охрана должна обеспечивать благополучное бегство венценосной особы. Бежать рядом с ним не обязательно. Даже наоборот. Мне, например, как горничной, рекомендовано – цитирую – «падать пред душегубом ниц, умолять, визжать, хватать за ноги, бросаться на нож и прочими доступными способами продлевать жизнь своих господ».

Ни фига себе уставчик. Если у них там с горничными так строго, то что ж тогда с аферистками, путем угроз и членовредительства пытающимися захватить руку и сердце принца? Не-не-не, мне ни эти, ни прочие части венценосного тела не нужны... и вообще я вегетарианка, оставьте себе свой

суповой набор.

- Еще вопросы? – Айша грозно сдвинула брови, глянув почему-то прямо на меня. Я сглотнула и судорожно замотала головой под возмущенный вопль Мирин, продавающей в мои уши сережки весом грамм по сто каждая.

- Нет вопросов! – нестройным хором отозвались «голово-резы».

- Следующий этап! – Айша сменила позу на атакующую, для пущего эффекта поставив ногу на табурет. Сапог, показавшийся из-под юбок, был размера этак пятидесятого, не меньше.

- Кречет! – окликнула она. Брови эльфа удивленно поползли вверх. Похоже, он явно не ожидал, что его приплетут к веселью. Молча отставив кружку, эльф сложил руки на груди и сурово воззрился на хозяйку.

- Ты берешь во-от этот дротик, - Айша ткнула пальцем в целую коллекцию ядовито-стрелкового оружия, которую уже успел подготовить Док, - и стреляешь им точно в край мочки уха. Яд попадет в кровь, принц уснет, а проснется в нежных объятиях своей принцессы. А вот ты, ты и ты переоденетесь в баб. Будут три страшные подружки. На вашем фоне Люба будет смотреться особенно привлекательно.

Айша подмигнула мне ярко накрашенным глазом.

- Шиш, - отчетливо сказал Кречет и бухнул кружкой о барную стойку.

- Чего-о? – Айша сдвинула брови и сурово уперла руки

в бока. У меня по спине пробежали ледяные мурашки, да и остальным, похоже, резко стало не по себе. Тишина, разлившаяся в зале, заслуживала звание «гробовой». Разве что Мирин продолжила беспечно ворковать над моим затылком.

- Я устал и пошел спать. Вечером расскажете, чем кончится эта комедия, - сказал Кречет и, сунув руки в карманы штанов, демонстративно утопал наверх.

- Ну и фиг с тобой, сморчок старый, - неожиданно легко простила его Айша. – Сам же потом напьешься и будешь ныть, что жизнь – го...но, а судьба – зануда, забросившая тебя в это болото. Мы тебя нашли, отмыли, вылечили, одели, накормили. Мы к тебе со всей душой, со всем сердцем...

«А ты нам тут фиг-вамы рисуешь», - закончил мой внутренний голос. Толпа сочувственно-укоризненно загудела, поддерживая Айшу и клеймя «неблагодарную сволочь» позором.

- Старый сморчок? Он что, старик? – шепотом переспросила я Мирин: мне-то показалось, что Кречету от силы лет тридцать.

- Как сказать, - пожала плечами девушка, укрепляя в моих волосах конструкцию из трех свадебных букетов, виноградной грозди и чего-то, подозрительно напоминающего старую метлу. – Для эльфа может и молод. А для нас с тобой сорок пять лет – это многовато.

Я кивнула. Мне и тридцать лет всегда казались чем-то далеким и непонятным, а тут сорок пять. Вот как, скажите мне,

за десяток лет, что разделяют двадцатилетних и тридцатилетних, неформалы и модницы умудряются слиться в единую серую массу и полюбить безликие стрижки и желто-коричневую гамму? Мистика.

Неужели и я лет через десять сделаю стрижку «бесформенный боб» и начну носить не менее бесформенные жакеты – с узором «огурец» и уклоном в цвет «детской неожиданности»? Хотя нет. Меня же на днях повесят за соучастие в преступлении.

- Эйдан, тогда, может, ты? – Айша повернулась в другую сторону, и я вздрогнула: из темноты неожиданно проявился, будто привидение, черноволосый мужчина с глазами ворона – живыми, блестящими и бездонными. Он тряхнул головой, откидывая с лица челку, и улыбнулся, отвечая согласием.

Уау. Ущипните меня. Может, ну нафиг эту фею? Это ж не мужчина, а идеал. Какая кожа, какой профиль, какие манеры! И одежда под стать: все черное, практически облегающее, и только серебряные перстни, кулон и отделка на кинжале посверкивают.

Я шумно втянула обратно уже рванувшиеся наружу слюнки.

Мужчина вышел на свет и протянул руку к какой-то трубке. А-а, это, наверное, для метания дротиков. Ой, а можно я рядом с ним в засаде посижу? Ну хоть чу-у-уточку! Не надо мне никаких принцев. Меня вполне устраивает и вот этот экземпляр. Тем более, что он вроде бы не женат, судя по от-

сутствию кольца. И ловить его не надо. И на кол за это не посадят.

- Мирин, а, Мирин? – печально позвала я. – Давай все отменим, пока не поздно.

- Поздно, - девушка рванула завязки корсета, да так, что у меня ненароком вырвалось полузадушенное «Хой!», и стало не до любования мужской красотой. Пустите меня, а? Я передумала. Я домой хочу. Или хотя бы отпустите меня обратно в ту комнатку наверху, где я ночевала. Прикинусь тряпкой и спрячусь под кровать. Когда вся эта шайка-лейка спит, там почти уютно.

- Едут! Едут! – ворвался в помещение растрепанный пацан лет восьми.

- Что-то рановато, - засуетилась Айша. – По места-ам!

И все кругом закипело, забурлило, будто в классе после звонка на перемену. Меня дернули за руку, потащили сначала в гущу людей, где изрядно помяли и сплющили, потом в какие-то кусты, где я окончательно потеряла весь лоск, с таким трудом наводимый Мирин.

Впрочем, я не была уверена в том, что и до кустов выглядела презентабельно. В местности я не ориентировалась, и разобрать хоть что-нибудь в свистопляске елок, осин и менее знакомых деревьев не могла. Очень хотелось выдернуть руку, но вновь остаться один на один с лесом, кишачим всякими тварями, пусть на этот раз и не магическими, но все-таки дикими, было не лучшей идеей.

- Ложись! – прикрикнула Айша и вжала меня лицом в мох. Я бестолково задергалась, пытаюсь освободиться. Мамочки, ну и хватка. Воздуха, воздуха мне!

К счастью, неведомая опасность быстро миновала, и меня отпустили. Я огляделась: справа залегла Айша с биноклем, слева – Мирин, от волнения грызущая ногти, а чуть поодаль за нею...

Ладно, так уж и быть, полежу тут немножко. Но только затем, чтобы полюбоваться, как черноволосый красавчик прикладывает длинную деревянную трубку к блестящим, слегка приоткрытым губам. Вот он изящным жестом оправляет челку, чтобы не лезла в глаза. А какой взгляд, м-м-м. Мужчина, что вы делаете сегодня вечером? Ах да, подрабатываете снайпером. Тогда, быть может, ночью?

Впрочем, о чем это я. Такой красавчик наверняка занят, можно и не пытаться раскатать губу. Мне нужно думать о принце. Мирин же сказала – это моя судьба. Тем более, что принц богатый, не злой, культурный, а самое главное – не бандюган. Может, даже на белом коне. Что еще нужно девушке в активном поиске?

И правда, чего это я засматриваюсь на всяких подозрительных типов в черном? Если этот Эйдан живет в «Шмелином заду», значит, тоже чем-то таким нехорошим промышляет. Шпионажем? Воровством? Перекупкой?

- Мирин, - едва слышно шепнула я.

- А? – отозвалась замечтавшаяся девушка, беспечно по-

махивая в воздухе пятками.

- Эйдан – он кто? Ну, по профессии.

- Боишься, что промажет мимо принца? – хихикнула Мирин, толкая меня локтем в бок. – Не бойсь, он всегда в цель бьет. У него работа такая. Раз – и в сердце. Или в глаз. Чтобы даже пикнуть не успел.

Я от неожиданности громко икнула, но на меня тут же шикнули с обеих сторон. Мамочки! Так он что, киллер? Или как это у них тут называется. Эх, ну почему самые смазливые мордашки всегда оказываются самыми гадкими личинами?

Впрочем, чего это я так сразу с плеча рублю. Может, у него кодекс чести есть? Убивает только заворовавшихся и обнаглевших чиновников. Разве хороший человек может вызывать у другого человека желание его заказать? С хорошими людьми плохое не случается.

«Значит, ты не очень хорошая», - шепнул внутренний голос.

- Тихо! – скомандовала Айша. – Началось.

И действительно, вдалеке раздались крики, какой-то свиной визг, лязганье металла, треск ломаемого дерева. Что именно там происходит, было не разобрать, так что у меня возникла ассоциация с фанатским буйством после футбольного матча. Вот-вот заорут: «Зенит – чемпион! Побеждает только он!». Или наоборот, про победу и парашу.

- О, пошел процесс, - Айша приникла к биноклю. – Ща они их к просеке погонят. Давай, Волдырь, давай! Отсекай,

отсекай! Ага, и тут еще... эх, не успел... О, молодчинка! Теперь куда надо гонят.

И действительно, спустя пару минут шум битвы стал удаляться, а шум ломаемых веток, напротив – приближаться. Венценосную добычу успешно гнали по лесу.

- Криво бежит, - Айша взволнованно прикусила губу. – Как бы полем не ушел.

- Кто, принц? – вскинула голову Мирин. – Как же он может уйти? Тут его судьба!

«Судьба» осторожно кашлянула. А можно мне в туалет? Я всего на пару минут, честно-честно. Живот что-то прихватило. И воздухом подышать. И вообще, давайте без меня, а?

- Не уйдет, - Эйдан весь напряжился и поиграл языком, словно готовящаяся к броску гадюка. У меня опять пробежали по спине холодные, мокрые мураши, но на этот раз все не романтические. Ой, как мне все это не нравится...

Я остервенело почесала голову. Точнее, попыталась это сделать, но мне помешала высокая прическа. Пришлось отломить от ближайшего кустика веточку, просунуть ее внутрь конструкции и таким нехитрым образом удовлетворить зуд. Впрочем, у меня сразу зачесалось в другом месте. То ли это нервное, то ли я уже успела подхватить вшей. Вшивая принцесса, ага.

- Вижу его! – шепнула Айша, еще ниже прикинув к земле и спрятав бинокль. Мирин пискнула и вцепилась мне в плечо мертвой хваткой. Эйдан прижал губы к трубке. Ну все,

обратный отсчет. Не поминайте лихом, сейчас я стану аферисткой.

Шум все приближался. Уже можно было разглядеть силуэт продирающегося кустами человека. Я пригляделась. Действительно, криво идет: вот же тропинка рядом, зачем сквозь кусты-то ломиться? Это он от испуга, бедняга. Мужик, я тебя понимаю. Прости, но за нас уже все решили...

- Пли! – Айша махнула рукой. Черноволосый «купидон» резко выдохнул в трубку. В тот же миг что-то свистнуло, кусты вскрикнули, слышался хруст ломаемых веток и глухой удар упавшего тела.

И тишина. Только потревоженная ворона с печальным карканьем встала на крыло и принялась кружить над нами. Я икнула. Простите, нервное.

- Эмм... - подала голос Мирин спустя минуту. – Как-то он быстро... уснул.

- Упс, - сказал Эйдан, вскинул глаза к небу и принялся делано-беззаботно что-то насвистывать. Все произвольно повернули в его сторону головы и сделали соответствующие выводы.

- Какого...? – начала Айша, выбираясь из засады и широкими шагами устремляясь вперед. Мы с Мирин поспешили следом за ней, собирая подолами прошлогоднюю листву.

- Мы что, не того подстрелили? – спросила я при виде смутного силуэта в кустах. Думать о том, что подстрелили его слишком точно, мне не хотелось.

- Да нет, вроде, того, - отозвалась Мирин. - Только...

«Только» мы увидели через пару секунд, когда Айша дернула за куст, и к нашим ногам свалилось безжизненное тело. Все лицо у него было в крови, ухо отсутствовало, а по шее струился тонкий красный ручеек.

- Мля, - Айша вытянула из травы что-то бело-красное с налипшими на него хвоинками и прочим мусором. - Эйдан, какого черта?

- Извини, подруга, - красавчик покаянно пожал плечами. - Привык в голову бить, вот и занесло чуток. Но по касательной же!

- Он что... - я едва смогла пошевелить занемевшими губами. - Умер?

Мамочки. С бытием аферисткой я еще худо-бедно могла смириться. Но соучастница убийства – это явный перебор!

Все снова посмотрели на несчастного мужика. Упитанные руки раскинулись в безжизненном жесте, в короткую стрижку набились листья и ветки, а кожа из аристократически-бледной стала трупно-синеватой.

- Да не, живой, - постановила Айша, пощупав пульс у него на шее. - Но, думаю, нужно побыстрее оттащить его к Доку. А то где мы еще одного принца тебе возьмем? Эйдан, ты за ноги, а я за руки. И побыстрее! Люба, держи.

Она что-то бросила. Я подставила руки, и в них прилетел бело-красный комок. Ой, мамочки...

Пальцы у меня затряслись, и несчастное ухо полетело в

траву.

- Люба, ты чего? – Мирин укоризненно подхватила ампутат, аккуратно сняла с него налипший мусор и сдула пылинки. – Надо же на место пришить. А то как у тебя муж будет без уха? Некрасиво. Да и перед другими державами неудобно. Ты же у нас без пяти поцелуев принцесса! Надо начинать думать о престиже страны.

Я даже не нашла, что сказать на это заявление. Да и если бы нашла, не смогла бы выговорить. Мне резко стало нехорошо. В голове загудело, перед глазами все качнулось, закружилось, и я потеряла сознание. Последним, что я запомнила, была подслеповатая морда здоровенного лося, высунувшаяся из соседнего куста и с любопытством обнюхавшая мой нос.

Очнулась я у себя наверху. Здесь было тихо, спокойно, прохладно и уже почти как дома. Тесная комнатуха была от силы в четыре квадратных метра, странной, выгнутой формы с кривыми стенами. В ней с трудом помещалась кровать, стул, тумбочка и столик у круглого и светлого окошка, открывающего поразительный вид на вершины деревьев.

Я ощупала себя (зеркала в комнате не было). На мне все еще был нелепый наряд дворянки – тот самый, с огромной прической, шелковыми чулками, корсетом и прочей ерундой. На столике еще и стояла клетка с неизвестным науке грызуном. Я смутно вспомнила, что Мирин твердила мне

что-то о вшах и моде на пушных животных. Так вот что скреблось у меня под турнюрор! Какая мерзость. Ой, фу-фу. Варвары несчастные. И животное жалко, и вообще возникают сомнения по поводу чистоплотности королевского двора.

Я на всякий случай отряхнула зад, встала и попыталась нашарить обувь, не сразу сообразив, что никто меня и не разувал - просто свалили на кровать, как есть. Только откровенно мешающую лежать звериную клетку отцепили. Подошла к двери, прислушалась. Ой, как не хочется идти вниз.

А что, если они его все-таки убили? Или не убили, и он сейчас пришел в себя, рвет и мечет и обещает всех казнить? И даже если не обещает... Ну, зачем он мне, на самом-то деле? Обычный мужик лет тридцати пяти-сорока, с седеющими висками и уже слегка обрюзглым лицом. Да и брюшко у него наметилось немалое. Интересно, что же в нем такого особенного, что я непременно должна в него влюбиться? Может, у него красивый голос? Или нежные руки? А может, он несравненно умен?

За дверью было предательски тихо. Может, прикинуться больной? Хотя, зная этих жуликов, не удивлюсь, что они положат нас в одну постель и скажут, что других нет. Нет, надо взять себя в руки, пойти и встретить уже свою судьбу лицом к лицу. Надеюсь, ухо к этому лицу уже пришили?

Я открыла дверь, поглубже вдохнула, набираясь смелости, и шагнула в темноту – то есть, на лестницу. Далеко не ушла. Огромная прическа и широченная юбка спружинили о кося-

ки узкого проема, и я отлетела назад. Пришлось повернуться боком и грациозно, придерживая юбку и гордо держа удлиненную прической голову, просочиться в проход.

- А по-моему, криво, - донесся из общей залы тихий мужской голос.

- Да не, нормально, - возразил ему другой почти шепотом.

- Ну криво же. Кречет, глянь, - первый голос решил призвать дополнительного эксперта.

Послышался вздох, шорох шагов...

- Ну да, немного несимметрично, - признал эльф.

- Вот, я же говорил! – торжествующе, хоть и по-прежнему тихо, заявил первый голос.

- Мне что теперь, отрезать и заново пришить?! – злобным шепотом поставил всех на место четвертый голос, хриплый и стариковский. – Может, проще вам глаза поправить? А то я могу. Подходи, кто смелый, скальпель как раз освободился.

- Док, да че ты сразу бочку-то катишь? – пошел на попятный первый голос. – Я это так... А ухо у него, может, и до этого кривое было.

- Rrrrrr...

- Понял, понял, не дурак.

Я сделала еще один шаг по направлению к полосе света, падающей на последний отрезок винтовой лестницы, но в залу так и не вошла – побоялась.

- Слушай народ, а может мы его... того? – предложил пер-

вый голос.

- Чего «того»? – угрожающим тоном переспросила Айша.

- Ну, это... на деньги его того... обменяем, - пояснил не в меру активный жулик. – Выкуп и всякое такое. Это ж как-никак королевский сынок. Если ухо отвалится, как раз будет, что прислать в доказательство.

- С чего ему отваливаться? – возмутился Док. – Я на этот раз даже руки помыл. Почти.

- Да тише вы, - шикнула на них Айша. – Он уже шевелится. Если проснется и не увидит свою Любовь, я вам самим уши поотрываю. Кстати, где она? Сходите за ней кто-нибудь. Да быстрее, он уже глаза открывает!

Эх, была не была. Я сделала шаг внутрь. На меня обернулись несколько пар глаз, но, в основном, незнакомых. Мирин и Айша хлопотали над моим принцем. Ухо у него было на месте. Правда, по цвету отличалось от второго. И было чуть повернуто назад – не сильно, но достаточно для диспута на тему эстетики.

Его Высочество слабо пошевелился и застонал.

- Воды ему, воды скорее, - зашипела Айша.

Мирин метнулась на кухню, зашуршала там и спустя минуту вылетела с профессионально обставленным подносом, на котором были и салфетки, и приборы, и цветы в вазе. И все это было сервировано ради одного кубка, наполовину наполненного водой.

- Давай мне, - смирившись, протянула я руки к подносу.

Ну не зря же мне фея принца пообещала. Хватит уже убегать и выкручиваться. Пора взять себя в руки и обрести тихое женское счастье за широкой (а также богатой и многоуважаемой) спиной. Да и в конце концов, интересно же, что в нем такого, что я должна в него влюбиться?

- О, Люба! – лицо Мирин вспыхнуло радостью, а потом вдруг начало «оползать», принимая ошарашенное выражение, и она повторила уже совсем другим тоном: - Ой, Люба...

Я не успела уточнить, что случилось. Позади слышался нарастающий шум многочисленных шепотков, стон, звук падающего стула и крик Айши:

- Люба, он просыпается! Сюда, скорее!

Я быстро-быстро засеменила в сторону больного, стараясь не расплескать содержимое кубка. У меня за спиной выстроились три мужика, криво выбритые и переодетые в бабские вещи – обещанные «страшные подружки» для «оттенения» моей неземной красоты. Тем временем, Его Высочество уже поднялся, кривясь и морщась, и потянулся рукой к пострадавшему уху, но его удержали.

- Не хотите ли глоток воды, Ваше Высочество? – пролепетала я неестественно высоким и фальшивым от волнения голосом.

Мужчина, услышав слово «вода», перестал тянуться к уху и зашарил взглядом по сторонам в поисках чашки. Поднос, подсунутый под самый подбородок, он почему-то заметил не сразу. Но заметив, ухватил кубок и жадно к нему приник. В

полной тишине по залу разлетелись звуки глотков. Зрители замерли в ожидании.

Испустив вздох облегчения, Его Высочество наконец-то изволил поднять на меня глаза. Шарахнулся и принялся тыкать пальцем:

- Ты... ты... ты кто?

Поднос от неожиданности выпал из моих рук и загрохотал по полу.

- Любовь... - сразу смутилась я. – С-ссу... сса... ушкина.

- Любовь – ваша спасительница, - тоном, не терпящим возражений, заявила Айша, обводя меня широким жестом. – Она нашла вас в лесу – раненого и беспомощного – и принесла в этот божий дом.

Айша демонстративно сложила руки перед грудью и поклонилась. Мирин и Виллард, спохватившись, повторили жест. Эйдана пришлось ткнуть в бок. Остальные, тайно посмеиваясь в бороды, стали класть земные поклоны. Правда, Волдырь и Кречет остались сидеть, как сидели: первый ничего не понял, а второй из принципа не пожелал участвовать в представлении.

- А-а, так вы эти... жрицы богини Любви, - сразу успокоился принц. – А почему такие страшные-то?

Мы переглянулись. Мужики в юбках у меня за спиной смущенно кашлянули. Айша сделала Мирин какие-то непонятные знаки глазами. Та сначала покивала, а потом пожала плечами и указала на меня подбородком. Я ничего не поня-

ла, но на всякий случай отрицательно замотала головой. Мирин пожала плечами и снова посмотрела на Айшу. Та поджала губы и повернулась обратно к принцу.

- Да, мы жрицы Великой Богини, - с поклоном сказала Айша. – Не желаете ли провести ночь с одной из наших сестер?

И она обеими руками показала в мою сторону. Я выпучила глаза: с какого перепугу?! Это что, типа план со влюблением в спасительницу не сработал, переходим к плану Б? Э, мы так не договаривались! Кречет, сволочь, ну нафига ты меня «падшей» тогда назвал? Чтоб у тебя стручок отсох! Они же меня сейчас... Эй, кто-нибудь, придумайте что-нибудь срочно! Вы же воры-убийцы-жулики, у вас соображалка в экстренной ситуации должна хорошо работать!

- Нет, спасибо, - ответил принц к моему огромному облегчению. – Мне бы домой поскорее. Мама вол... То есть, Ее Величество, наверное, переживает.

Он поспешно встал, потрогал-таки свое свежепришитое ухо, взвыл, но быстро взял себя в руки. Выпрямился, горделиво развернулся, вышел в открытую настежь дверь, едва не снеся косяк, и застыл, обозревая раскинувшийся перед ним густой лес.

- Я вас провожу, - мигом сориентировался Виллард, соскакивая со скамейки. – Хидар, подай Его Высочеству лучшего коня!

- А что сразу... Ай! – Хидар схватился сразу за оба уха: это Мирин и Айша с двух сторон доходчиво объяснили ему

новый план действий. – Понял, понял, уже бегу.

И мой принц скрылся в лесу, настегивая белого в яблоках коня. Только кучка навоза осталась.

- Люба! – Мирин накинута на меня разъяренной фурией. – Ты совсем сбрендил? Такой шанс упустила!

- Мы столько готовились, - сокрушенно возопила Айша, так стиснув некстати подвернувшийся кубок, что тот хрупнул и сплюснулся.

Окружающие согласно покивали. Правда, они не столько переживали за мою судьбу, сколько были разочарованы краткостью развязки. Столько готовились, предвкушали и вдруг – пшик – и нет ничего. Мне стало стыдно. И за разочарование, и за свое тайное облегчение.

На пару мгновений в зале повисла гнетущая тишина. А потом Кречет начал ржать. Сначала тихо, потом все громче, с фальцетными нотками, шмыганьем и вытиранием слез. Окружающие сурово таращились на него, не спеша присоединяться. Хорошо смеется кто? Правильно. Псих.

Проржавшись до икоты, эльф утерся рукавом, все еще подвывая со смеху, и глотнул из кружки.

- Ну и как это понимать? – Мирин уперла руки в бока. Я облегченно выдохнула: приятно, что гнев окружающих хотя бы ненадолго будет направлен не на меня.

- Да вы посмотрите – ик! – на нее, - еще подхихикивая, сказал Кречет. – Она и так-то была не красавица, а с этой белой – ик! – пудрой, гнездом на голове, горбатой задницей и

– ик! – черными бородавками совсем на старую ведьму стала смахивать.

- Это не бородавки, это мушки! – обиделась Мирин.

- Да хоть тараканы, – отмахнулся Кречет. – Да и бег по лесу, обморок – ик! – и транспортировка волоком за ноги ее тоже не украсили.

- Я же не знала, что она даже в зеркало перед выходом не посмотрится, – всхлипнула Мирин, утирая слезы обиды. – Любая нормальная девушка перед свиданием обязательно приведет себя в порядок. Тем более, после сна.

- Ваша Люба и нормальность – вещи несовместимые, – хмыкнул Кречет, запивая икоту пивом.

- Эй! – теперь уже я возмутилась. – Да что ты обо мне знаешь?

- Что ты крестница феи, – спокойно ответил эльф. – А феи только полных неудачниц крестят. Неудивительно, что все наперекосяк.

Я даже задохнулась от возмущения. Вместо меня ответила Айша:

- Если такой умный, сам ее теперь замуж за принца выдавай!

- А я-то тут при чем? – он хмыкнул, откинулся назад и сложил ногу на ногу. – Вы хотели романтики, вот и дерзайте.

- Ты все испортил! – еще горше всхлипнула Мирин: ее мечта стать первой, кто узнает о будущей жене принца, только что лопнула, как мыльный пузырь.

- Чего? – презрительно протянул эльф. – Вы наворотили дел, а я виноват? Ты б еще солнце обвинила в том, что у тебя веснушки.

- И обвиню! – крикнула Мирин. – Это ты должен был стрелять, а не Эйдан.

- Мирин, - спокойно остановила ее Айша. – Прекращай эти детские разборки. А ты, Кречет, не действуй людям на нервы. Знаешь выражение «Отвергая, предлагай»? Знаешь. Раз с таким удовольствием всех раскритиковал, будь добр предоставить новый план действий.

- О-о-о, - Кречет закатил глаза и издал протяжный стон. – Да не бу...

- ...или я тебя выгоню, - жестко постановила Айша, стукнув кулаком по столу. Стол подпрыгнул, почти задрыв ножками. – Иди, ищи в Лихоломе новое логово. Тебя ж везде ждут с распростертыми объятиями. Особенно в святых эльфийских лесах.

Взгляд эльфа потемнел. Он поджал губы и отвернулся, не желая продолжать дискуссию. Мне показалось, или тут кроется какая-то давняя и не слишком приятная история? Ах да, чего это я. Мы же в воровском логове. Тут у каждого своя история.

- Всем спать, - устало скомандовала Айша и первой утопала в свою комнату. Народ еще немного погудел, и тоже стал расходиться.

Глава 4. Про искусство

- Мирин, не плачь, - успокаивала я девушку, поглаживая ее по спине. Вообще-то, это я должна быть расстроена. Но я чувствовала лишь позорное облегчение.

- Ну...ну... ну ка-а-ак же та-а-ак, - простонала Мирин, размазывая слезы по веснушчатым щекам. – Как он мог в тебя не влюби-и-иться? У тебя ведь и лоб большой, и нос с га... с га... с горбинкой. Это же сейчас так мо-о-одно!

Я удивленно ощупала переносицу. Действительно, есть небольшая горбинка. Никогда ее не замечала. Впрочем, это весьма сомнительный признак красавицы. Как я уже убедилась, взглянув в висящее у входа на лестницу зеркало, бледность утопленницы, черные бородавки на щеке и губе, румяна «кружочками» и птичье гнездо на голове неплохо маскируют любые мало-мальски приятные черты лица, превращая обычную девушку в пугало для «комнаты страха».

- Ничего, - попыталась я успокоить Мирин. – Мы еще найдем мне принца. Попозже. Вот приедет какой-нибудь из заграницы... Скажем, на бал. У вас ведь тут бывают балы?

- Угу, - девушка приподняла голову. – Каждую неделю. Только иностранных принцев там днем с огнем не сыщешь. Надо этого брать, пока холостой.

- Возьмем-возьмем, - заверила я ее, только чтобы успокоить. – Если до сих пор не женился, значит, не скоро еще же-

нится, правильно?

- Угу, - окончательно успокаиваясь, кивнула девушка. – С такой мамашей-то уж точно.

- А что у него с мамашей? – скорее, для поддержания разговора, чем из интереса, спросила я.

- О-о-о, - Мирин вмиг забыла о слезах, вскочила и округлила глаза, зарядив на язык очередную сплетню. – Так ты не знаешь? Ее Величество – та еще гарпия. Ей уже больше шестидесяти, а она все никак не желает уступить сыну трон. Мотивирует это тем, что он все еще не женат. А жениться не получается, так как всех невест она уже распугала.

На этом месте Мирин окончательно взбодрилась и перешла на свой обычный смешливый тон:

- Представляешь, выпишет какую-нибудь девицу вроде как на смотрины, та приедет, и начинается издевательство. Тут нос не такой, там талия широкая. Эта с нашим этикетом не знакома, а та с языком. Говорят, в бытность свою зеленым юнцом, наш принц влюбился в какую-то заморскую красавицу и хотел жениться. Они даже убежали вместе, представляешь? Правда, недалеко. Мы потом еще два года с ее страной воевали.

Я попыталась осмыслить масштаб трагедии. И вот такую мегеру вы мне в свекрови предлагаете?!

- Мирин, но если все так плохо с этими невестами и матерью принца, то с чего ты взяла, что у меня с ним что-то получится? Если даже именитые заморские красавицы не справ-

вились...

- Так в том-то и дело! – вмиг воодушевилась Мирин, вцепившись мне в плечо тонкими пальчиками. – Ни у кого не получается, потому что это место – для тебя, понимаешь? И стоит только тебе его занять, как все пойдет как по маслу. И принц станет королем, и матушка у него полюбреет.

Ага. И дети родятся. Десятерня. Что-то слабо верится в подобный сценарий. Насколько мне известно, мегеры после женитьбы сыновей добрее не становятся. Они просто обретают новый объект для издевательств. И учитывая, что брак тут наверняка расторгается путем отсечения головы неугодной жены, «объект» вряд ли хотя бы пикнет.

Я вздохнула. Надо с этим что-то делать. Жизнь принцессы – это, конечно, чудесно, но только если дело происходит в сказке. А тут – суровая средневековая реальность. Мама, роди меня обратно. В смысле, фея, стукни меня в обратную сторону.

- Пойдем-ка спать, Мирин, - сказала я, похлопав ее по плечу. – У меня на родине говорят: «Утро вечера мудренее».

- «Мудренее»? – переспросила Мирин. – А почему не «мудрее»? Или имеется в виду «мудрёнее»? То бишь, вечером еще ничего не придумал, а за ночь так накрутишь, что к утру намудришь?

- Ну, можно и так сказать, - хмыкнула я, выволакивая ее из-за стола. – Ты мне поможешь прическу разобрать? Сама я как раз до утра и промучаюсь.

- Конечно-конечно, - завершила меня Мирин. Тема женитьбы успешно была переведена на тему бабской внешности. Всегда срабатывает.

- И помыться бы не помешало, - мечтательно протянула я, чтобы закрепить результат. – Где у вас тут моются?

- Люба, ты что? – Мирин выпучила на меня глаза. – Благородным дамам и господам нельзя мыться. Это некультурно! Ты же не крестьянка какая-нибудь грязная, не окровавленный мясник и не вонючий золотарь.

- Тогда благородные господа будут сильно вонять, - рассмеялась я. – Но ты же приятно пахнешь?

- Так я и не благородная, - пожала плечами девушка. – Просто горничная. Вечно в пыли и грязи ковыряюсь, вот и приходится мыться. А тебе нельзя. Только тряпочкой влажной можно подтираться. Ну или ароматические масла втирать.

Улыбка мигом слетела с моих губ. Я вчера не мылась – постеснялась спросить, где тут что. И вместо уборной под утро сбегала в кустики, пока никто не видит. А сегодня, к тому же, снова пропотела, повалилась в грязи и, ко всему прочему, была покрыта толстым слоем пудры, от которой ужасно чесалась кожа. И вы мне говорите, что с этим теперь до гроба жить?

- Мирин, мне очень надо, - честно сказала я. – Давай, я завтра стану благородной дамой? А сегодня еще немного побуду грязной крестьянкой, хорошо?

- Ну ладно, - немного подумав, к моему великому облегчению согласилась Мирин. — Только я обычно не здесь моюсь, а в замке. Там и вода теплая есть, и тазы, и даже ванна. А тут если только в кастрюле нагреть и в умывальник на улице залить. Он большой, ребята под ним после «мокрухи» моются. Там и доска есть, чтобы не на земле стоять, и вешалка для одежды.

- Сойдет, - кивнула я. — Только поскорее бы. Очень чешется.

Умывальник был велик и необъятен. Под него приспособили здоровенную пивную бочку, подвесив ее на ветку сосны. Вода в бочку наливалась из окна лестницы второго этажа. Причем, первой кастрюлей кипятка мы в темноте промахнулись. По крайней мере, крик и раздавшийся следом мат свидетельствовали именно об этом. К счастью, просьба о помощи после мата не последовала, так что травма, похоже, была несерьезной. Или кипяток в полете слегка подостыл: после захода солнца воздух резко похолодал.

Вторую кастрюлю я кое-как дождалась. Кожу жгло невыносимо, и я чесалась уже не стесняясь. Некоторое время понаблюдав за моими мучениями, Мирин покусала губу, отыскала емкость с пудрой и тут же принялась просить у меня прощения.

Оказывается, она взяла у Дока не просто белила, а специальную смесь для запугивания, которой разбойники мазали себе лица и одежду: она светила в темноте, и предприим-

чивые головорезы рисовали ей черепа и кости для пущего устрашения.

Решив удостовериться, я вышла из светлой кухни в общую залу, где уже никого не было. Свечи частью были погашены, частью догорели сами, не дождавшись замены. Я подошла к зеркалу и увидела в нем жуткую, сине-зеленую неоновую светящуюся маску, покрывающую лицо, шею, уши, плечи и кисти рук. М-да, хорошо, что принц не остался со мною на ночь. Быть бы ему импотентом.

Когда дело наконец дошло до купания, за окном уже возшла луна. Она смутно очертила стволы деревьев, кусты и бочку, высеребрила тропинку. Мирин помогла мне снять платье и разобрать прическу, старательно укладывая все в стопочки: а вдруг еще пригодится? Хотя в том, что принц передумает и вернется в поисках своей жутковатой спасительницы, я лично сомневалась.

- Вот полотенце, - сказала Мирин, вешая его на приколоченную к сосновому стволу жердь. – Пойду принесу тебе какую-нибудь рубаху – совсем забыла об этом. А ты давай мойся быстрее, не стой на холоде.

И она поспешила в дом.

- Эй, а где тут кран? – окликнула я ее, не обнаружив оного.

- Что? – отозвалась Мирин уже из башни. – А, пробка! Пошупай там снизу, сразу найдешь.

Без девушки в лесу стало вдвойне жутковато. Ветки скреблись о холодный камень, вершины деревьев будто бы

перешептывались, а из кустов доносилось какое-то мелкое цоканье и клецанье. С девяносто девятью процентами вероятности это наверняка была банальная белочка. Но напуганной фантазии не прикажешь, и в голове у меня тут же пронеслись лучшие кадры из всех знакомых мне киноужастиков.

Я на всякий случай осмотрелась и даже походила между ближайшими кустиками. Но кругом было слишком темно, а мой нос и щеки светились слишком сильно, чтобы можно было хоть на чем-то сосредоточить взгляд. Ладно, лесные демоны. Если вы и правда собрались меня съесть, подождите немного, пока я вымоюсь.

«В черном-черном лесу стояла черная-черная башня с черными-черными окнами», - отозвались «демоны» в моей голове. Ага. А за ними прятались черные-черные люди с черными-черными душонками. Брр. И вообще. Стою тут одна-одинешенька в диком, густом лесу. Вдруг меня сейчас кто-нибудь ка-а-ак куснет за пятую точку! Пора уже завязывать со страхами. Быстрее начнем, быстрее закончим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.